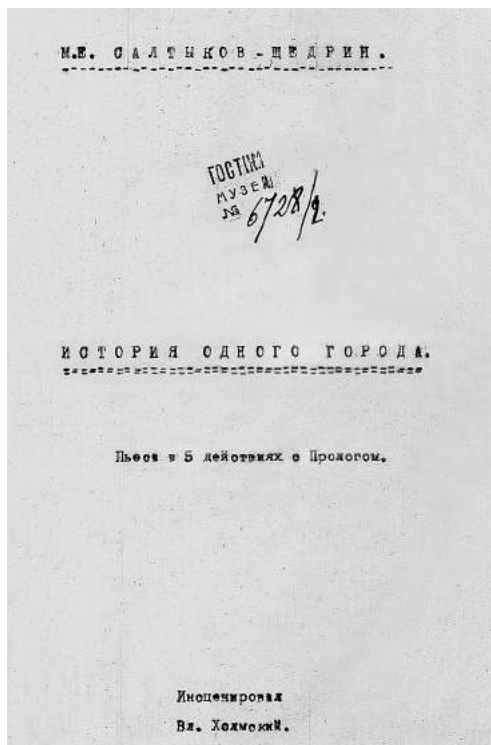

ИВАНОВ-РАЗУМНИК

ИНСЦЕНИРОВКА «ИСТОРИИ ОДНОГО ГОРОДА» М.Е. САЛТЫКОВА-ЩЕДРИНА. 1926

Титульный лист машинописи из архива ГостИМа
Инсценировка Иванова-Разумника
печатается ниже по этому экземпляру
(РГАЛИ, фонд 963, опись 1, ед. хр. 1023)

Глуповцы.
Рисунок А.А. Рыбникова,
гравированный И.Н. Павловым. 1926

М.Е. Салтыков-Щедрин
«История одного города»
Пьеса в 5 действиях с Прологом.
Инсценировал Вл. Холмский

«...Все произведения мои направлены против тех проявлений произвола и дикости, которые каждому честному человеку претят. Так, например, градоначальник с фаршированной главою означает не человека с фаршированной головою, но именно градоначальника, распоряжающегося судьбами многих тысяч людей. Это даже не смех, а трагическое положение. Гулящие девки, которые друг у друга отнимают бразды правления, тоже едва ли смех возбуждают, то есть, могут возбуждать его лишь в гоголевском мичмане*. Изображая жизнь, находящуюся под игом безумия, я рассчитывал на возбуждение в читателе горького чувства, а отнюдь не весёлонравия.

Что же касается глумления над народом, то мне кажется, что в слове "народ" надо отличать два понятия: народ исторический, и народ, представляющий собою идею демократизма. Первому, выносящему на своих плечах Бородавковых, Угрюм-Бурчеевых и т.п., я, действительно, сочувствовать не могу. Что же касается до народа, рассматриваемого во втором смысле, то ему не сочувствовать нельзя, потому что в нём воплощается безгранично великое. В этом народе замыкается начало и конец всякой индивидуальной деятельности».

Салтыков

«История одного города» – не политический памфлет, но гениальная общенациональная сатира на государственный абсолютизм и народную пассивность.

* Имеется в виду смешливый глупец мичман, упоминаемый во втором действии гоголевской «Женитьбы»

**ПРОЛОГ
«О КОРНИ ПРОИСХОЖДЕНИЯ
ГЛУПОВЦЕВ»**

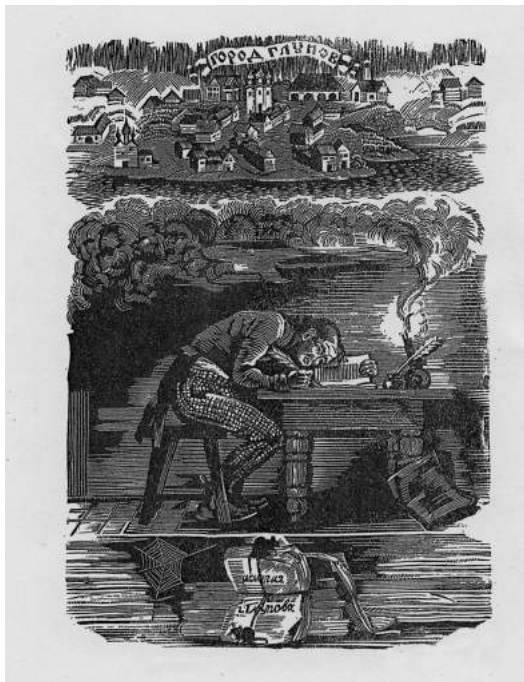
Действующие лица:

Архивариус-летописец. Князь Глупой. Князь Глупой-преглупой. Князь Умной-преумной. Пошехонец-Слепород. Чухломец-Рукоусый. Вор-Новотор. Пётра-Комар. Гусяр. Головоотяпы.

Сцена представляет ельничек да берёзничек, перелесочки, за ними чащу дремучую; между перелесочками поляночки. Перед сценой полукруглый просцениум («орхестра»), на котором (вместо алтаря) стоят три сосны, отделяющие сцену от просцениума.

Архивариус-летописец. Ежели древним эллинам и римлянам дозволено было слагать хвалу своим безбожным начальникам и передавать потомству мерзкие их деяния для назидания, ужели же мы, россияне, окажемся в сем случае менее достойными и

Глуповский летописец.
Гравюра С.М. Мочалова.
1931

благодарными? Ужели во всякой стране найдутся и Нероны преславные, и Калигулы, доблестью сияющие, и только у себя мы таких не обрящем? Смешно и нелепо даже помыслить такую нескладицу, а не то чтобы оную вслух проповедывать, как делают некоторые вольнолюбцы, которые потому свои мысли вольными полагают, что они у них в голове словно мухи без пристанища там и сям вольно летают.

Не только страна, но и град всякий, и даже всякая малая весь, и та своих доблестью сияющих и от начальства поставленных Ахиллов имеет и не иметь не может. Взгляни на первую лужу – и в ней найдёшь гада, который ироиством своим всех прочих гадов превосходит и затемняет. Взгляни на дерево – и там усмотришь некоторый сук больший и против других крепчайший, а следственно и доблестнейший. Взгляни, наконец, на собственную свою персону – и там прежде всего встретишь главу, а потом уже не оставишь без приметы брюхо и прочие части. Что же, по-твоему, доблестнее: глава ли твоя, хотя лёгкою начинкою начинённая, но и за всем тем горé устремляющаяся, или стремящаяся долу брюхо, на то только и пригодное, чтобы изготовлять... О, подлинно же легкодумное твоё вольнодумство!

Таковы-то были мысли, которые побудили нас неумытыми устами воспеть хвалу славных оных Неронов, кои не безбожием и лживою еллинскою мудростью, но твёрдостью и начальственным дерзновением преславный наш град Глупов преестественно приукрасили. Намерение наше есть изобразить преемственно градоначальников, в город Глупов от российского правительства в разное время поставленных. Много видели мы на своём веку поразительных сих подвижников, много видели таких и наши предместники. Следовали оные градоначальники непрерывно в величественном порядке один за другим кроме времени пагубного безначалия, едва не повергшего весь град в запустение. Одни из них подобно бурному пламени пролетали из края в край, всё очищая и обновляя; другие, напротив того, подобно ручью журчащему орошали луга и пажити, а бурность и сокрушительность предоставляли в удел своим помощникам. Но

все, как бурные, так и кроткие, оставили по себе благодарную память в сердцах сограждан, ибо все были – градоначальники.

Сие трогательное соответствие само по себе уже дивно; не знаешь, что более славословить: власть ли, в меру дерзающую, или сей виноград, в меру благодарящий?

Изложив таким манером нечто в наше извинение, присовокупим, что родной наш город Глупов, производя обширную торговлю квасом, печёнкой и варёными яйцами, имеет три реки и в согласность древнему Риму на семи горах построен, на коих в гололедицу великое множество экипажей ломается и столь же бесчисленно лошадей побивается. Разница в том только состоит, что в Риме сияло нечестие, а у нас – благочестие, Рим заражало буйство, а нас – кротость, в Риме бушевала подлая чернь, а у нас – начальники (*широкий жест на сцену*).

Сцена представляет ельничек да берёзничек, перелесочки, за ними чащу дремучую; между перелесочками три поляночки, а на них три князя со своими дворами сидят: Князь Глупой, Князь Глупой-Преглупой и Князь Умной-Преумной.

На просцениуме стоят Головоотяпы, Глуповцы тож.

Головоотяпы (*хвастаются*).

— Мы головоотяпы! Нет в свете народа мудрее и храбрее! – Тяпаем головами обо всё, что бы ни встретилось. – Стена попадётся, об стену тяпаем. – Богу молиться начнём, об пол тяпаем. – Всех соседей перетяпали, победили, под себя покорили, а мало ли их! – Моржееды! – Лукоеды! – Гущееды! – Клюковники! – Куралесы! – Вертячие бобы! – Лягушечники! – Лапотники! – Чернонёбые! – Долбёжники! – Проломленные головы! – Слепороды! – Губошлёпы! – Вислоухие! – Кособрюхие! – Ряпушники! – Заугольники! – Крошевики! – Рукосу! – Всех перетяпали, победили, под себя покорили!

— Хитро это мы сделали: знали, что головы у нас на плечах растут крепкие, вот и предложили. – Послали сказать соседям: будем друг с дружкой до тех пор головами тятаться, пока кто кого перетяпает. – И всех их друг за дружкой перетяпали!

— Вот с кособрюхими труднее было, пришлось даже пустить на них солнышко. – Солнышко-то и само по себе так стояло, что светило кособрюхим в глаза; да мы стали махать в их сторону шапками: вот, дескать, мы каковы, и солнышко заодно с нами! – Однако кособрюхие не сразу испугались, а сначала тоже догадались: высыпали из мешков толокно, и стали ловить солнышко мешками. – Изловить не изловили и только тогда увидели, что правда на нашей стороне, и принесли повинную.

— Всех перетяпали, победили, под себя покорили! Велика наша земля. – Велика наша земля и обильна! – Мы головоотяпы! нет в свете народа мудрее и храбрее!

Перестали хвастаться; пригорюнились.

— Велика наша земля и обильна, да порядка в ней нет! – А уж чего мы ни делали, как порядка не заводили. – Волгу толокном замесили. – А она и поныне свободная течёт! – Телёнка на баню тащили. – А он с бани упал и ногу сломал! – В кошеле кашу варили. – А и кошель и каша сгорели! – Свиныю за бобра купили. – Так свинья свиньёй и осталась! – Собаку за волка убили. – А волки овец потаскали! – Лапти растеряли да по дворам искали. – Было лаптей шесть, а сыскали семь! – Щуку с яиц согнали. – А щука опять на яйца села! – Блинами острог конопатили. – А блины арестанты съели! – Комара за семь вёрст ловить ходили. – А он у пошехонца Пётры на носу сидел! – Рака с колокольным звоном повстречали! – Козла в соложёном тесте утопили! – Батьку на кобеля променяли! – Блоху на цепь приковали! – Небо кольями подпирали! – А порядка всё нет, как нет!

— И пошли у нас рознь да галденье пуще прежнего. – Стали мы опять друг у дружки земли разорять, жён в плен уводить, над девами надругаться. – Нет порядка, да и полно! – Попробовали снова головами тятаться, но и тут ничего не доспели. – И дошли мы теперь до того, что содрали на лепёшки кору с последней сосны. – Не стало ни жён, ни дев! – Нечем людской завод продолжать! – Велика наша земля и обильна, да порядка в ней нет!

Молчание.

— Вот и взялись мы за ум. – Надумали мы искать себе князя. – Он нам всё мигом

предоставит! – Он и солдатов у нас наделает, и острог, какой следоват, выстроит! – Айда, ребята!

Идут с просцениума на первую поляну. Между просцениумом и сценой – три сосны, среди которых головотяпы заблудились.

— Ищешь, ищешь князя, а где к нему путь? – Вот мы и в трёх соснах заблудились. – Как путь-дорогу найти? – Братцы, а где же у нас Пошехонец-Слепород? Он эти три сосны как свои пять пальцев знает. – Да вот, спасибо, он тут как тут!

— Слепородушко, выведи нас на торную дорогу, приведи прямо к князю на двор!

Слепород выводит их из трёх сосен на первую поляну, где со двором своим сидит Князь Глупой.

Князь Глупой

Кто вы такие и зачем ко мне пожаловали?

Головотяпы

Мы головотяпы! Нет в свете народа мудрее и храбрее! Мы даже кособрюхих и тех шапками закидали!

Князь Глупой

А что вы ещё сделали?

Головотяпы

Да вот комара за семь вёрст ловить ходили...

Начали было головотяпы, и вдруг им сделалось так смешно, так смешно... Посмотрели они друг на дружку и прыснули.

Головотяпы (*перекосятся*).

— А ведь это ты, Пётра, комара ловить ходил! – Ан ты! – Нет, не я! – У тебя он и на носу-то сидел!

Князь Глупой (*сильно распалился и начал учить их жезлом*).

Как! Вы и здесь перед лицом моим розни своей не покидаете! Глупые вы, глупые! Не головотяпами следует вам по делам вашим называться, а глуповцами! Не хочу я володеть глупыми! А ищите такого князя, какого нет в свете глупее, и тот будет володеть вами.

Сказавши это, ещё маленько поучил жезлом и отослал головотяпов от себя с честью.

Головотяпы (*опять на просцениуме*).

— За что он нас раскастил? – Мы к нему всей душой, а он послал нас искать Князя глупого! – Что же, в словах этих обидного нам нет! – Нам

глупый-то князь, пожалуй, ещё лучше будет! – Сейчас мы ему коврижку в руки: жуй, а нас не замай! – И то, правда!

— А что, добры-молодцы, не попробовать ли нам ещё раз опять порядок навести? – Попробуем! – А что сделаем-то? – Будем петуха на канате кормить, чтоб не убежал... – Божку съедим... – Беса в солдаты отдадим... – Нет, не выйдет толку! – Думай не думай, а надо идти искать князя, какого нет в свете глупее. – А как его найдёшь? – А вон на краю болота у трёх сосен стоит Чухломец-Рукосуй, чего-то ищет.

— Эй, Рукосуюшко, чего ищешь?

Чухломец – Рукосуй

Рукавиц ищу.

Головотяпы

Да вон они у тебя торчат за поясом!

Чухломец – Рукосуй

И то!

Головотяпы

Не знаешь ли, любезный Рукосуюшко, где бы нам такого князя сыскать, чтоб не было его в свете глупее?

Чухломец – Рукосуй

Знаю, есть такой! Вот идите прямо мимо трёх сосен через болото, как раз тут. (*Показывает на вторую поляну*).

Головотяпы снова на сцене.

Головотяпы

— А и верно, вон на другом краю болотины прямо перед нами сидит сам князь да глупой-преглупой! – Сидит и ест пряники писанные! – Вот так князь! – Лучшего и желать нам не надо!

Князь Глупой – преглупой (*жуёт пряники*).

Кто вы такие, и зачем ко мне пожаловали?

Головотяпы

Мы головотяпы! Нет нас народа мудрее и храбрее! Мы гущеедов – и тех победили!

Князь Глупой – преглупой

Что же вы ещё сделали?

Головотяпы (*наперебой*).

— Мы жуку с яиц согнали... – Мы Волгу толокном замесили...

Князь Глупой – преглупой (*перебивает*).

Не хочу и слушать вас! Я уж на что глуп, а вы ещё глупее меня! Разве жука сидит на яйцах? Или можно разве вольную реку толокном

месить? Нет, не головотяпами следует вам называться, а глуповцами! Не хочу я владеть вами, а ищите вы себе такого князя, какого нет в свете глупее – и тот будет владеть вами (*и, наказав жезлом, отпустил их с честью*).

Головотяпы (*опять на прощениуме*).

— Надул курицын сын Рукусуй! – Сказывал, нет этого князя глупее, ан он умный! – Нет, видно не найти нам князя! – Надо попробовать ещё раз самим собою устроиться.

— Попробуем. – А что сделать-то? – Под дождём онучи сушить... – На сосну лазить Москву смотреть... – На грош постных яиц купить...

— Нет, не выйдет толку! – Не наведём порядка, да и полно!

— Пётра-Комар, ты глупее всех, ты комара за семь вёрст ловить ходил, а он у тебя на носу сидел, сделай милость, надоумь!

Пётра-Комар

Есть у меня друг-приятель по прозванью Вор-Новотор, уж если экая выжига князя не сыщет, так судите вы меня судом милостивым, рубите с плеч мою голову бесталанную!

Головотяпы

— Чего же лучше? – Зови Вора-Новотора. – Где он тут?

Вор-Новотор

Вот он!

Головотяпы

Можешь нам князя найти?

Вор-Новотор

Для ча не.

Головотяпы

Так веди!

Вор-Новотор

А сколько за розыск дадите?

Головотяпы

А сколько ты просишь?

Вор-Новотор

Алтын да деньгу в придачу.

Головотяпы

Что больно дорого?

Вор-Новотор

А какая ваша цена?

Головотяпы

Дадим грош да животы свои в придачу.

Вор-Новотор

Нет, дело так не выйдет.

Головотяпы

Ну, ладно, дадим деньгу, да без алтына.

Вор-Новотор

На том сладимся; пойдём искать князя.

Головотяпы

Ты нам такого ищи, чтоб немудрый был! На что нам мудрого-то, ну его к ляду!

Вор-Новотор

Ладно, найдём и не мудрого! Вот пойдём мимо трёх сосен, сначала всё ельничком да берёзничком, потом чащею дремучею, потом перелесочком, да и выйдем прямо на поляночку, а посреде той поляночки князь сидит.

Вор-Новотор ведёт головотяпов на третью поляну; взглянули головотяпы на князя, так и обмерли, отшатнулись.

Головотяпы

— Вот так дело вышло! – Князь-то князь, да умной-преумной! – В ружьецо попаливает... – Да сабелькой помахивает... – Что ни выпалит из ружьеца, то сердце насквозь прострелит! – Что ни махнёт сабелькой, то голова с плеч долой! – Вор-Новотор, что же ты такое пакостное дело сделал, а сам стоишь брюхо поглаживаешь да в бороду усмехаешься! – С ума ты никак спятил! – Да пойдёт ли этот к нам? Во сто раз глупее были, и те не пошли!

Вор-Новотор

Ништо! Обладим! Дай срок, я глаз-на-глаз с ним слово перемолвлю.

Вор-Новотор дошёл до самого князя, снял перед ним шапочку соболиную и стал ему тайные слова на ухо говорить.

Головотяпы (*гуторят меж собой*).

— Кругом на кривой нас Вор-Новотор объехал! – А на попятный уж и нельзя. – Это, братцы, не то, что с кособрюхами лбами таяться! – Нет, тут, братцы, ответ подай: каков таков человек, какого чину и звания.

Долго шепчутся Вор-Новотор с Князем, а про что – не слышать. Только и почуяли головотяпы последние слова Вор-Новотора.

Вор-Новотор

Драть их, ваша княжеская светлость, всегда очень свободно!

Князь Умно-преумно (*подзывает головотяпов*).

Что вы за люди? И зачем ко мне пожаловали?

Головотяпы

Мы головотяпы! Нет нас народа храбрее...
(начали было головотяпы, но вдруг смутились).

Князь Умно́й-преумно́й
(усмехнулся).

Слышал, господа головотяпы! Весьма слышал!
И о том знаю, как вы рака с колокольным звоном встречали, довольно знаю! Об одном не знаю, зачем же ко мне-то вы пожаловали.

Головотяпы

А пришли мы к твоей княжеской светлости вот что объявить: много мы промеж себя убивств чинили, много друг дружке разорений и нругательств делали, а всё правды у нас нет. Иди и володей нами!

Князь Умно́й-преумно́й

А у кого, спрошу вас, вы допреж сего из князей братьев моих с поклоном были?

Головотяпы

А были мы у одного князя глупого, да у другого князя глупого ж, и те володеть нами не похотели!

Князь Умно́й-преумно́й

Ладно. Володеть вами я желаю, а чтоб ийти к вам жить – не пойду! Потому вы живёте звериным обычаем: с беспробного золота пенки снимаете, снох портите! А вот пошлю к вам заместо себя в город ваш градоначальников: пуцай они вами дома правят, а я отсель и ими, и вами помыкать буду!

Головотяпы (понуривши головы).

Так!

Князь Умно́й-преумно́й

И будете вы платить мне дани многие. У кого овца ярку принесёт, овцу на меня отпиши, а ярку себе оставь; у кого грош случится, тот разложи его на четверо: одну часть мне отдай, другую мне же, третью опять мне, а четвёртую себе оставь. Когда же пойду на войну, и вы идите! А до прочего вам ни до чего дела нет!

Головотяпы (понуривши головы).

Так!

Князь Умно́й-преумно́й

И тех из вас, которым ни до чего дела нет, я буду миловать, прочих же всех казнить.

Головотяпы (понуривши головы).

Так!

Князь Умно́й-преумно́й

А как не умели вы жить на своей воле и сами, глупые, пожелали себе кабалы, то называться вам впредь не головотяпами, а глуповцами.

Головотяпы (понуривши головы).

Так!

Князь Умно́й-преумно́й

Прибывши домой, выберете болотину и, заложив на ней город, назовёте Глуповым, а себя по тому городу глуповцами. Так и процветёт ваша древняя отрасль.

Головотяпы (понуривши головы).

Так!

Князь Умно́й-преумно́й

Теперь прикажу я обнести вас водкою да одарить по пирогу, да по платку алому, и отпущу вас от себя с честью, обложив данями многими; но как ведаю я, что несть глупости горшая, яко глупость, то смотрите: в случае чего (взвивается во весь рост) – за-по-рю!

Головотяпы шарахаются и потом, понуривши головы, медленно идут мимо трёх сосен на просцениум.

Головотяпы

— Вот она, княжеская правда какова! – Станем мы теперь въздыхать неослабляючи! – Будем мы теперь вопиять сильно! – Такали мы, такали, да и протакали!

Один из головотяпов, взяв гусли, запеваёт.

«Не шуми мати, зелёная дубровушка!

Не мешай добру молодцу думу думати,

Как заутра мне, добру молодцу, на допрос ийти...»

— Вот мы и старики седые, а плачем горько, что сладкую волю свою прогуляли! – Вот мы и молодые, кои той воли едва отведали, так нам ещё горше плакать! – Тут только познали мы, какова прекрасная воля есть! (Горький плач и рыдания).

Гуслиар продолжает:

«... Что товарищей у меня было четверо,
Ещё первый мой товарищ – тёмная ночь,
А второй мой товарищ – булатный нож,
А как третий-то товарищ, то мой добрый конь,
А четвёртый мой товарищ, то тугой лук,
А рассылщики мои, то калёны стрелы...»

— Что же, братцы, видно надо город строить. – Вот хоть на этой болотине. – Быть здесь городу Глупову. – А и быть всем нам глуповцами.

— До той поры глуповцами будем, пока вновь волю свою не найдём!

Берутся за топоры и начинают сносить декорации, изображающие лес. Скоро сцена представляет голую равнину, которая впоследствии завершит собою действие пятое. На голой равнине начинают ставить декорации города Глупова, которые простоят все пять действий.

Всё это происходит под продолжающуюся песню гуслара.

«Я за то тебя, детинушка, пожалуйю

Среди поля хоромами высокими,

Что двумя ль столбами с перекладиной...»

Ставят декорации старой колокольни, съезжого дома, казначейства, казарм, кабака, градоначальникова дома и др.

Чей-то голос с надрывом затягивает: «Раз – первой, раз – другой». И ряд голосов подхватывает с отчаянием: «...Ухнем! Дубинушка, ухнем!»

Выстроен город Глупов, каким простоит он до своего разрушения в конце пятого действия.

Г л у п о в ц ы

— Быть здесь городу Глупову! – А и быть всем нам глуповцами!

— До той поры глуповцами будем, пока вновь волю свою не найдём.

ДЕЙСТВИЕ I.

«ОРГАНЧИК» И «СКАЗАНИЕ О ШЕСТИ ГРАДОНАЧАЛЬНИЦАХ»

Сцена представляет город Глупов, построенный в конце Пролога головотяпами. Город простоял уже много веков.

Площадь города Глупова и главные его присутственные места. С одной стороны колокольня, с другой – дом градоначальника с крыльцом. Полукруг присутственных мест: съезжий дом, казначейство, казармы, почта; кабак. Мост через реку, текущую в глубине сцены. Вдалидомишки обывателей. Между просцениумом и сценой вместо былых трёх сосен стоит полицейская будка.

Декорация эта простоит до конца пятого действия.

Действующие лица: Градоначальник Брудастый. Помощник градоначальника. Стряпчий (Прокурор).

Казначей. Смотритель народного училища. Начальник инвалидной команды. Городовой врач. Квартальный. Поп. Приезжий чиновник. Письмоводитель (без речей). Байбаков, часовых дел мастер. Самозванки: Ираидка, Клемантинка, Амалька, Анелька, Матрёнка-Ноздря (без речей), Дунька Толстопятая (без речей). Градоначальник Фердыщенко. Глуповцы. Будочники. Солдаты инвалидной команды.

Вечер. На площади города Глупова неочайное движение по случаю прибытия нового градоначальника Дементия Варламовича Брудастого. Народное ликование.

Группа высших чиновников у крыльца градоначальнического дома.

Глуповцы заполняют сцену и часть просцениума, перекликаются с дозорным, стоящим на колокольне.

Г л у п о в ц ы

— Едет! – Едет! – Почитай скоро будет! – Градоначальник-то новый! – Дементий Варламович Брудастый. – Батюшка-то наш! – Уж верно красавчик! – Уж верно умница! – И в мундире! (Хором). – Батюшка-то наш! Красавчик-то наш! Умница-то наш!

Вбегает один из глуповцев.

— Скачет во все лопатки! На городском выгоне остановился, стал сменных ямщиков пороть. Уйму перепорол!

— Батюшка-то наш! – Красавчик-то наш! – Умница-то наш! – Опять с начальником будем!

Поздравляют друг, друга, целуются, проливают слёзы, заходят в кабак, снова выходят из него.

Г р а д с к о й г о л о в а (подходя к группе чиновников).

Мы в надежде, что при новом градоначальнике процветёт торговля.

С т р я п ч и й

И законы соблюдаться будут неукоснительно.

К а з н а ч е й

И недоимки собирать будут рачительно.

Н а ч а л ь н и к и н в а л и д н о й к о м а н д ы

И военное дело разовьётся.

П о п

И вера окрепнет.

С м о т р и т е л ь н а р о д н о г о у ч и л и щ а
И возникнут науки и искусства...

К в а р т а л ь н ы й

П о д н а б л ю д е н и е м к в а р т а л ь н ы х н а д з и р а т е л е й.

Градской голова
Слышно, новый-то градоначальник, батюшка наш, красавчик да умница!

Городовой врач

А старый-то Пфейфер Богдан Богданыч, голштинский выходец, только вчера выехал из города.

Стряпчий (ехидно).

Ничего не свершив, смещён за невежество,

Поп

А ведь тоже был красавчик, тоже был умница!

Помощник градоначальника (строго).

Однако новому правителю уже по одному тому должно быть отдано преимущество, что он новый.

Все

Понятное дело!

Квартальный

Ямщиков сечёт! Молодец!

Начальник инвалидной команды
Авось новый градоначальник наш прославится иройством и возьмёт крепость Хотин.

Смотритель народного училища
Да ведь она уже взята!

Начальник инвалидной команды
Что-ж! Возьмёт во второй раз!

Глуповцы

— Едет! – Едет! – Батюшка-то наш! красавчик-то наш! Умница-то наш! (Всеобщее ликование).

Въезжает градоначальник Брудастый, со-скакивает с брочки, безмолвно обходит ряды чиновных архистратигов, подымается на крыльцо, оборачивается лицом к народу и чиновникам, открывает рот. Глаза начинают вращаться, а из раскрытого рта сперва ничего не выходит, кроме шипения и какого-то бессмысленного звука, не похожего даже на бой часов. Наконец, после минутного шипения и вращения глазами, он произносит:

Брудастый

Не по-тер-плю!

Скрывается в доме. С ним входит Помощник градоначальника.

Чиновники остолбенели, за ними остолбенели и обыватели.

Глуповцы (стоят разинув рты).

— Что ж это такое? – Фыркнул и затылок показал! – Нешто мы затылков не видали! – А

ты по душе с нами поговори! Ты лаской-то, лаской-то пронимай! Ты пригрозить пригрози, да потом и помилуй!

— А прежде-то, прежде какие бывали у нас начальники! – Все приветливые да добрые, да умницы, да красавчики! – И все-то в мундирах!

Понемногу отходят к сторонке, собираются около колокольни и тихо гуторят между собою.

Градской голова (подходя к группе чиновников).

Это что же такое?

Поп

Недоумеваю!

Градской голова

Фыркнул, да издал загадочный звук!

Стряпчий

Да, нескладно. Я люблю, чтоб у начальника на лице играла приветливая улыбка, чтобы из уст его по временам исходили любезные прибаутки.

Смотритель народного училища (поучительно).

Начальник может совершать всякие мероприятия, он может даже никаких мероприятий не совершать, но ежели он не будет при этом калякать, то имя никогда не делается популярным.

Поп

А бывали у нас градоначальники истинно мудрые.

Смотритель народного училища
Иные не чужды были даже мысли о заведении в Глупове десиянс академии! Правда, вместе её только съезжий дом построили...

Казначей

Ну, имена этих мудрых остались в забвении, они не обзывали глуповцев ни «братцами», ни «робятами». Напротив того, бывали другие, хотя и не то чтобы очень глупые, а такие, которые делали дела средние, то есть секли и взыскивали недоимки, но при этом всегда приговаривали что-нибудь любезное.

Градской голова

Вот таких помним!

Смотритель народного училища
Их имена занесены на скрижали!

Врач

Клементий Амадей Мануилович! Вывезен был из Италии Бироном за искусную стряпню макарон; потом, будучи внезапно произведён в надлежащий чин, прислан сюда градоначальником. Прибыв в Глупов, не только не оставил занятия макаронами, но даже многих усиленно к тому принуждал, чем себя и воспрославил.

К а з н а ч е й

Ферапонтов Фотий Петрович! Бригадир, бывший брадобрей оного же Бирона! Многократно делал походы против недоимщиков и столь был охоч до зрелищ, что никому без себя сечь не доверял.

П о п

Великанов Иван Матвеич! Обложил в свою пользу жителей данью по три копейки с души.

Н а ч а л ь н и к и н в а л и д н о й к о м а н д ы
Урус-Кугуш-Кильдибаев Маныл Самылович!
Капитан-поручик из лейб-кампанцев; отличался безумной отвагой и даже брал однажды приступом город Глупов.

С м о т р и т е л ь н а р о д н о г о у ч и л и щ а
Ламврокакис, беглый грек без имени и отчества и даже без чина. Торговал греческим мылом, губкою и орехами; сверх того был сторонником классического образования.

С т р я п ч и й

Это что! Это всё скрижали истории. А давно ли у нас был градоначальником Баклан Иван Матвеич, бригадир! Росту большого: трёх аршин и трёх вершков; говорил, что происходит по прямой линии от колокольни Ивана Великого. Помните, каким молодцом он на первом же приёме выказал себя перед обывателями. Натиск, – сказал он, – и притом быстрота, снисходительность и притом строгость. И притом благоразумная твёрдость. Вот, милостивые государи, та цель, или, точнее сказать, те пять целей, которых я с божьей помощью надеюсь достигнуть при посредстве некоторых административных мероприятий составляющих сущность, или, лучше сказать, ядро обдуманного мною плана кампании!

Г р а д с к о й г о л о в а

А потом, помните, повернулся ловко на одном каблуке, обратился ко мне и присовокупил: «А по праздникам будем есть у вас пироги!» Да, так вот, судари мои, как настоящие-то

начальники принимали! А этот что, фыркнул какую-то нелепицу да и был таков.

Градоначальник Брудастый показывается в окне, открывает рот, и, после обычного вращения глазами и шипения, произносит:

Б р у д а с т ы й

Не по-тер-плю!

Чиновники жмутся в сторону, потом входят в дом градоначальника представляться ему и в течение последующего действия поодиночке выходят из дома.

Тем временем глуповцы понемногу собираются под окнами градоначальника и с любопытством заглядывают.

Видно, как градоначальник сидит за столом и неустанно скребёт пером; время от времени подходит к окну, с обычным шипением и вращая глазами произносит: «Не по-тер-плю!» – от чего глуповцы шарахаются в сторону – и потом снова возвращается к своему столу. Иногда выбегает на крыльцо, сует квартальному и будочникам кипу исписанных листков и после обычного «Не по-тер-плю» снова показывается за окном у стола.

Г л у п о в ц ы

— Заперся да пишет! – Не ест, не пьёт, а всё что-то скребёт пером. – Эко дело закипело! – Частные пристава поскакали! – Квартальные поскакали! – Заседатели поскакали! – Будошники хватают и ловят, секут и порют, описывают и продают... – А ну, как он таким манером целый город выпорет! – Ишь ты, всё сидит да выскрёбывает всё новые и новые понуждения...

Из окна: «Не по-тер-плю!», глуповцы шарахаются.

— Вот тут и сообрази, чего это он «не потерпит». – Братцы, да были ли у нас раньше такие начальники? – Разные были, а такого не видавали. – И хоть бы он делом сказывал, по скольку с души ему надобно. А то циркает, да и на поди!

На крыльцо выходит Помощник градоначальника, в руке повестка; чиновники и глуповцы собираются около крыльца.

П о м о щ н и к г р а д о н а ч а л ь н и к а

Предписание: «Чиновным архистратигам и всем глуповским обывателям собраться

немедленно к градоначальнику для внушения. Чиновникам быть в полной парадной форме. Обыватели же да принесут дары».

Хлопоты и суета. Постепенно у крыльца выстраиваются в каре глуповцы, руководимые Излюбленным гражданином градским головою Пузановым; теснятся под окнами градоначальнической квартиры, держа подмышками кульки и с трепетом ожидая страшного судьбища. Отдельно группа чиновников при шпагах и в шляпах.

Выходит градоначальник Брудастый, по очереди обходит всех обывателей и – хотя молча, но благосклонно – принимает от них дары. Окончив с этим делом, несколько отступает к крыльцу, раскрывает рот... Вдруг что-то внутри у него ещё громче, чем всегда, зашипело и зажужжало, и чем более длилось это таинственное шипение, тем сильнее и сильнее вертелись и сверкали его глаза. Наконец, из уст его вырывается:

Б р у д а с т ы й

П... п... плю!

С этим звуком градоначальник в последний раз сверкнул глазами и опрометью бросился в открытую дверь своей квартиры. Окно в его кабинете захлопывается, занавеска задёргивается, через некоторое время полицейский будочник сбегает с крыльца и куда-то опрометью бежит. Ночь уже наступила. По небу быстро катится луна. Чиновники разошлись. На площади остались глуповцы, стоящие в полном оцепенении.

Г л у п о в ц ы

— Это что же такое? – Что это он цыркнул? – Не понять! – И откуда к нам экой прохвост выискался? – Смотри, братцы! как бы нам тово... отвечать бы за него, за прохвоста, не пришлось! – Да было ли когда такое? – Разве во времена тушинского царька. – Да вот ещё при Бироне, когда гуляющая девка Танька-корявая чуть-чуть не подвела весь наш город под экзекуцию. – Нет, братцы, даже и тогда было лучше! – По крайней мере тогда мы хоть что-нибудь понимали, а теперь только трясемся.

Полицейский будочник ведёт перепуганного и дрожащего часовых дел мастера Байбакова, оба скрываются в градоначальническом доме.

— Это к чему? – Зачем градоначальнику часовых дел мастера повели? – На что он понадобился? – Ведь пьяница беспробудный! – Ну, братцы, ничего не понять! – А вот что, ребята: градоначальник ли он? – А кто же ещё? – А, может, упырь. – Еще чего скажешь!

— А что, братцы, не пасть ли всем нам поголовно на колени и просить прощения? – Ишь, тоже: пасть на колени, просить прощения! Чего смутьяните? А может начальство признало необходимым, чтобы в Глупове, грех наших ради, был именно такой, а не иной градоначальник?

— Ишь, подстрекатели завелись! – Да кто это сказал? – А вот кто, Стёпка да Ивашка! – Ан и не так, Порфишка да другой Ивашка! – Врёшь ты! Смутьян! – Сам врешь. Подстрекатель!

Из дома градоначальника выходит Байбаков, весь бледный и испуганный, и бережно несёт что-то обёрнутое в салфетке.

— А вот и часовщик. – Эй, Байбаков! – Что несёшь? – Покажи, что в салфетке-то. – Зачем к градоначальнику звали? – Расскажи, шкалик поднесём!

Байбаков остаётся нем как рыба и на все вопросы ограничивается тем, что трясётся всем телом; наконец, махнув рукой, уходит. Глуповцы чешут затылки и понемногу расходятся.

— Ну, добру не быть, неладное что-то! – Быть худу! – Ох, быть худу!

Площадь пустеет. Светает. Помощник градоначальника идёт с докладом в градоначальнический дом, исчезает в крыльце. Вдруг отдёргивает изнутри занавеску, распахивает окно и, стуча зубами, кричит.

П о м о щ н и к г р а д о н а ч а л ь н и к а

Квартальный! Квартальный!

Квартальный, проводивший ночь в полицейской будке, опрометью бежит на зов.

В распахнутое окно видно: градоначальниково тело, облечённое в вицмундир, сидит за письменным столом, а перед ним на кипе бумаг лежит совершенно пустая градоначальникова голова.

П о м о щ н и к г р а д о н а ч а л ь н и к а

Немедленно разослать будочников за всеми чиновниками, случилась беда. Это что же за безобразия, сударь мой! Вы где были? Чего

смотрели? Градоначальниково тело, облечённое в вицмундир, изволит в кресле сидеть, а совершенно пустая голова его на реестрах точно пресс-папье лежит! А вы себе и ухом не ведёте, и в ус не дуете! Ничего не знаете! Мне не докладываете! Это, сударь мой, нерадивость! Потворство наглому насилию!

Между тем один за другим сходятся чиновники. Всеобщее смятение. Все тянутся к окну, заглядывают и отшатываются в изумлении и ужасе.

П о п

Господи, помилуй!

К в а р т а л ь н ы й

Невинен! видит бог – невинен! Ваше высокоблагородие, рассудите сами: голова могла быть опорожнена не иначе, как с согласия самого же его высококородия господина градоначальника! И в деле этом принимал участие человек, несомненно принадлежащий к ремесленному цеху: изволите видеть, вон на столе лежат долото, буравчик и английская пилка. Вещественные доказательства!

П о м о щ н и к г р а д о н а ч а л ь н и к а

Стой! Сейчас всё разберём, приступим к дознанию! А пока тело его высококородия господина градоначальника и совершенно порожнюю голову его закрём в чулан на ключ. И чтобы ни гу-гу! Чтобы никто ничего не знал!

Закрывает окно, задёргивает занавеску. Вскоре выходит, будочники несут за ним стол и стулья на середину просцениума к полицейском будке.

П о м о щ н и к г р а д о н а ч а л ь н и к а

Прошу занять места, открываю заседание. Нам предстоит, во-первых, немедленно рапортовать о случившемся по начальству, а между тем начать под рукой следствие. Приступим. Господин Городовой врач, ваше заключение по сему казусному обстоятельству. Вопрос первый: могла ли градоначальникова голова отделиться от градоначальникова туловища без кровоизлияния? Вопрос второй: возможно ли допустить предположение, что градоначальник снял с плеч и опорожнил сам свою собственную голову? Вопрос третий: возможно ли предположить, что градоначальническая голова, однажды упразднённая, могла

впоследствии нарасти вновь с помощью какого-либо неизвестного процесса?

Письмоводитель строчит.

Г о р о д о в о й в р а ч (мнётся).

Да... С одной стороны законы естества... С другой стороны, градоначальническое вещество, источающееся из градоначальнического тела... А впрочем тайна построения градоначальнического организма наукой достаточно ещё не обследована...

П о м о щ н и к г р а д о н а ч а л ь н и к а

Темна вода во облацех!

П о п

А я скажу: поразмыслив, вижу, что во всём сем хоть и много удивительного, но тайны божии неисповедимы. А к сему присовокуплю: как вошёл я вчера в кабинет его высококородия господина градоначальника дабы представиться ему, то застал его играющим своею собственною головою, которую он, впрочем, тотчас же поспешил пристроить к надлежащему месту. Тогда я не обратил на этот факт надлежащего внимания и даже счёл его игрою воображения, но теперь ясно, что градоначальник наш в видах собственного облегчения по временам снимал с себя голову и вместо неё надевал ермолку точно так, как и я, соборной протоирей, находясь в домашнем кругу, снимаю с себя камилавку и надеваю колпак.

П о м о щ н и к г р а д о н а ч а л ь н и к а

Ну, уж это вы, батюшка, того... Одно дело камилавка, другое дело голова. Да к тому же голова не простого смертного, а градоначальника. Да вот спросим сведущее лицо: господин Смотритель народного училища, бывали ли в истории примеры, чтобы люди распоряжались, вели войны и заключали трактаты, имея на плечах порожний сосуд?

С м о т р и т е л ь н а р о д н о г о у ч и л и щ а (подумав с минутой).

В истории многое покрыто мраком; но был однако же некто Карл Простодушный, который имел на плечах хотя и не порожний, но всё равно как бы порожний сосуд, а войны вёл и трактаты заключал.

Н а ч а л ь н и к и н в а л и д н о й к о м а н д ы
Значит, бывали примеры!

П о м о щ н и к г р а д о н а ч а л ь н и к а

Так-то так, а всё-таки думается: нет ли измены какой? Не замешались ли в дело зловередные агитаторы? И притом: откуда на столе рядом с пустой головой взялись вдруг долото, буравчик да пилка?

Стряпчий

Стой, стой! Припоминаю: наведни проходя мимо мастерской часовщика Байбакова, видал я в одном из её окон такой самый слесарный и столярный, инструмент!

Смотритель народного училища

Так, так, так! А этой ночью встретил я оного беспробудного пьяницу и явного прелюбодя Байбакова, шёл он таясь и трясась, а в руке бережно нёс нечто, завернутое в салфетку.

Помощник градоначальника

Вот теперь доберёмся! Будошники! Немедленно доставить сюда оного беспросыпного пьяницу и явного прелюбодя часовых и органных дел мастера Байбакова. Да забрать вместе с ним и нечто, в салфетку завернутое, что он с собою нёс.

Будочники уходят.

Начальник инвалидной команды

А я на предмет привода сего злонамеренного преступника направлю в подкрепление будошникам инвалидную команду.

Инвалиды, ковыляя, уходят.

Помощник градоначальника

Лишь бы только народ обо всём этом не проведал! Господин квартальный, прикажите будочникам строго хранить вверенную им тайну, дабы не волновать народ и не поселить в нём несбыточных мечтаний. А вы, господин начальник инвалидкой команды, внушите то же самое своим инвалидам. А. то боюсь я, что лишь только проведуют людишки о сём казусном обстоятельстве и о том, что временно нет у нас градоначальника (или хоть и есть, но без головы), как начнётся немедленно пагубная анархия, сиречь безначалие.

Будочники и инвалиды приводят Байбакова, в руках у него салфетка, в коей завернуто нечто. Трясётся и стучит зубами.

Помощник градоначальника

Ведомо ли тебе, по какому делу сюда приведён?

Байбаков (*трясётся*).

Никак нет.

Помощник градоначальника

Призван ты к допросу по делу о снятии сею ночью головы с его высокородия, господина градоначальника.

Байбаков (*трясётся*).

Знать не знаю, ведать не ведаю.

Помощник градоначальника

Не отпирайся! Да к тому же за искреннее показание получишь из казначейства полтинник на водку.

Байбаков облизывается, но молчит и трясётся.

Помощник градоначальника

А коли так, друг любезный, то вот, гляди: чьё долото, чей буравчик, чья пилка?

Байбаков (*ладая на колени*).

Не погубите! Ни душою, ни телом не виноват! Допрашивайте, всё истинно покажу на допросе.

Помощник градоначальника

Давно бы так! Значит, приступим к допросу. Господин Стряпчий! Будьте добры приступить, это ваше дело.

Стряпчий

Твоё имя, фамилия, занятие.

Байбаков

Василием зовут меня, Ивановым сыном, по прозвищу Байбаковым, глумовский цеховой.

Письмоводитель строчит.

Поп (*ехидно*).

У исповеди и причастия святого бываешь?

Байбаков

У исповеди и святого причастия не бываю, ибо принадлежу к секте фармазонов, и есмь оной секты лже-иерей.

Стряпчий

Под судом и следствием состоял?

Байбаков

Судился за сожитие вне брака с слободской жёнкой Матрёнкой и признан по суду явным прелюбодеем, в каковом звании и поныне состою.

Стряпчий

Что можешь показать о происшествии сегодняшней ночи?

Байбаков

Быв разбужен в ночи, отправился я в сопровождении полицейского десятского к

градона начальнику нашему Дементию Варламышу и, пришед, застал его сидящим и головою то в ту, то в другую сторону мерно помавающим. Обеспамятев от страха и притом будучи отягощён спиртными напитками, стоял я безмолвен у порога, как вдруг господин градона начальник поманили меня рукою к себе и подали мне бумажку. На бумажке я прочитал: «Не удивляйся, но попорченное исправь». После того господин градона начальник сняли с себя собственную голову и подали её мне. Рассмотрев ближе лежащий предо мной ящик, я нашёл, что он заключает в одном углу небольшой органчик, могущий исполнять некоторые нетрудные музыкальные пьесы. Пьес этих было две: «Разорю!» и «Не потерплю!» Но так как в дороге голова несколько отсырела, то на валике некоторые колки расшатались, а другие и совсем повыпали. От этого самого господин градона начальник не могли говорить внятно или же говорили с пропуском букв и слогов. Заметив в себе желание исправить эту погрешность и получив на то согласие господина градона начальника, я с должным рачением завернул содержимое головы в салфетку и отправился домой.

Кладёт на стол и развёртывает салфетку; в ней оказывается небольшой органчик, составляющий содержимое головы градона начальника Брудастого. Чиновники поочередно рассматривают органчик. Молчание.

Стряпчий

А можешь ли ты оный органчик починить и голову градона начальника на место утвердить? И, во-вторых, будет ли та утверждённая голова исправно действовать?

Байбаков

На спрашивание вашего высокоблагородия ответить сим честь имею: утвердить могу и действовать оная будет, но настоящих мыслей иметь не может.

Молчание. Письмоводитель кончил строчить.

Стряпчий (диктует).

Ну, подписывай: «К сему показанию явный прелюбодей Василий Иванов Байбаков руку приложил».

Помощник градона начальника

Что же, господа чиновники? Каково ваше заключение?

Стряпчий

Да! Дело казусное.

Смотритель народного училища
Обстоятельства неслыханные!

Начальник инвалидной команды
Артикул несказанный!

Городовой врач

Вот оно градона начальническое-то вещество:
органчик вместо мозга!

Поп

Не уявися, что будет!

Помощник градона начальника

А чему же быть-то? Теперь я наполовину спокоен. Дело по-видимому выяснилось. Ежели высшим начальством допущено, чтобы в Глупове был градона начальник, имеющий вместо головы пустую укладку, то, стало быть, это так и следует. А посему выждать; тебе же, Байбакову, немедленно идти к телу его высокоблагородия господина градона начальника, приладить органчик, поставить голову на место и всемерно стараться покончить эту работу, пока в народе ещё не поднялись толки. Когда кончишь работу?

Байбаков

Суток через двое, да и то не знаю, сумею ли починить.

Помощник градона начальника

Я тебе покажу двое суток! Чтоб к вечеру работа была готова, а не то... Ты у меня смотри! Отвести его и запереть в чулан с телом его высокоблагородия господина градона начальника. Дать ему нужный слесарный и столярный инструмент, но не давать ни пить, ни есть, пока работы не кончит.

Байбаков

Помилуйте, ваше высокоблагородие!

Помощник градона начальника

Без разговоров! Марш!

Байбаков

А полтинник на водку сулили!

Помощник градона начальника

Я тебе покажу полтинник! Увести его!

Будочники и инвалиды уводят Байбакова.

Стряпчий

Ну, а я тем временем пошлю рапорт о происшедшем случае высшему начальству телеграфическою депешью.

Смотритель народного училища (удивлённо).

Что вы, опомнитесь! Ведь телеграф-то ещё через сто лет выдуман будет!

Помощник градоначальника (напускается на него).

Сами опомнитесь, батюшка мой! Что же по-вашему, так и ждать, пока его выдумают, и сидеть сложа руки? (Стряпчому.) Кончено, посылайте депешу, будем ждать распоряжений. (Стряпчий пишет телеграмму и посылает её с будочником на почту.) Вот только бы народ не узнал, одного боюсь! Беда будет, анархия, безначалие!

Квартальный (вбегая).

Ваше высокоблагородие! Беда! Будошники да инвалиды всё разболтали! Народ волнуется! Присутственные места запустели! Будошники отбились от рук и нагло бездействуют! Недоимок накопилось такое множество, что господин Казначей, заглянув в казённый ящик, разинул рот да так с разинутым ртом и остался! Пьяные бесчинствуют! Народ бунтует! Градской голова Пузанов с ними заодно! Беда, ваше высокоблагородие!

Смятение среди чиновников.

Помощник градоначальника (хватаясь за голову).

Недоимки накаплиются! Пьянство развивается! Правда в судах упраздняется! Резолюции не утверждаются! Народ бунтует! Батюшки мои, что делать. (Стряпчому.) Посодействуйте, посоветуйте, как быть?

Стряпчий

А вот прочтём сейчас ответную телеграфическую депешу!

Будочник бежит с почты и подаёт стряпчому телеграмму; тот читает и заливается слезами.

Стряпчий

За нелепое... донесение... уволен... от службы.

Помощник градоначальника

Вот тебе и раз!

Беспомощно опускается на стул и тоже рыдает. За столом чиновников рыдания и смятение. Между тем издали нарастает ропот народа, глуповцы поодиночке и небольшими группами собираются на площади.

Глуповцы

— Сироты мы, сироты горькие! – Сироты! Это верно, да сверх того не попасть бы под ответ! – А за что? – А за то, что повиновались такому градоначальнику, у коего на плечах вместо головы была пустая посуда. – Под ответ за повинование? Да полно вам! За повинование ожидает нас не кара, а похвала! – Под ответ не нас, а чиновников! – А за что? – А за то, растрата казённого имущества! – Какого такого? – А голова градоначальника! Нешто она частная собственность? Это, братцы, казённое добро. А они за ним не доглядели! – Верно! – За это не похвалят! – К ответу их! – На народный суд! А то известное дело, свои своих оправдают. – Правильно! Подать их нам на суд! – Подать сюда Помощника градоначальника, Стряпчего, Квартального и всю их братию! – Подать его сюда, Помощника градоначальника, а не то разнесём и его самого, и его дом!

Глуповцы выстраиваются в каре перед присутственными местами, предводительствуемые Излюбленным гражданином градским головою Пузановым.

Чиновники мечутся в страхе. Всем удаётся улизнуть кроме Помощника градоначальника и Стряпчего. Помощник градоначальника трясётся всеми членами, но выступает вперёд. Его встречает рёв толпы.

Глуповцы

Куда ты девал нашего батюшку?

Помощник градоначальника
Атаманы-молодцы! Где же я вам его возьму, коли он на ключ заперт!

Глуповцы

Врёшь, перемётная сума! Вы нарочно со Стряпчим стакнулись, чтобы батюшку нашего от себя избыть! Вязать их!

Хватают Помощника градоначальника и Стряпчего, вяжут и сажают под стражей в полицейскую будку. Бунт разрастается.

Глуповцы

— Кто ещё вчера смуты разводил да подстрекал? – Стёпка да Ивашка! – Порфишка да другой Ивашка! – На раскат их! Топить их! – Ребята! Айда бить стёкла в заведении Трубочистихи! – Французинки девицы де-Сан-кюлот!

Часть толпы бросает Стёпку да Ивашку на раскат, часть топит Порфишку да другого Ивашку в реке, часть ринулась за сцену громить модное заведение девицы де-Сан-кюлот. Часть глуповцев осталась на просцениуме во главе с градским головою Пузановым.

Г л у п о в ц ы

— Как же, братцы, теперь дальше быть? – Сироты мы, сироты горькие! – Как без градоначальника нам прожить? – Извели нашего батюшку Дементия Варламыча Брудастого! – А уж то-то был красавчик! То-то был умница!

В это время из кабака выходит Ираидка Палеологова, женщина мужественного сложения, вдова непреклонного характера с лицом тёмно коричневого цвета, напоминающим старопечатные изображения. Её сопровождают три солдата инвалидной команды, которых она поила в кабаке для храбрости.

Пьяные инвалидные солдаты

Вот она, вот наша матушка Ираида Лукинишна, градоначальница! Теперь нам, братцы, вина будет вволю!

Г л у п о в ц ы

— А Ираидка тут к чему? – Какая такая градоначальница? – Чего они тут горло дерут?

Ираидка со своей командой на минуту скрывается в казначействе и, пока глуповцы стоят разинув рты, выходит оттуда на площадь, в руках у неё мешок медных денег. Инвалидные солдаты ведут связанного Казначая, который так и остался с разинутым ртом. Глуповцы понемногу сходятся.

И р а и д к а (гаркает).

Атаманы-молодцы! Ведомо ли я вам?

Г л у п о в ц ы

— Вестимо дело, ведома! – Ираидка ты! – В Глупове спокон веков живёшь! – Баба сложения мужественного! – Ещё бы не ведома!

И р а и д к а

А ведомо ли вам, что прозываюсь я Палеологова? И что некие цари такое же прозвище носили?

Г л у п о в ц ы

— Вишь ты, какое дело! – И куда это ты гнёшь?

И р а и д к а

А вот куда гну: нет ли в том тайного указания, кому ныне в безвластие градоправительницей у вас быть надлежит? Разве без начальства городу хоть на минуту оставаться возможно?

Г л у п о в ц ы

— Явное дело, нет! – Какое там! – Никак не возможно! – А ведь это она, братцы, верно говорит!

И р а и д к а

И да ведомо будет вам, что покойный муж мой бывший винный пристав однажды за оскудением исправлял в дальнем городе должность градоначальника?

Г л у п о в ц ы

— Ишь ты как! – Скажи на милость! – А нам и невдомёк!

И р а и д к а

А посему объявляю: за отсутствием градоначальника беру на себя власть и отныне я ваша глуповская градоначальница! Казначейство я заняла, Казначая взяла заложником, а вот и вам на радостях, подбирайте!

Бросает в толпу медяки.

Пьяные инвалидные солдаты

Вот она! вот наша матушка градоначальница Ираида Лукинишна!

Глуповцы кидаются подбирать деньги; суматоха и восторженные крики.

Г л у п о в ц ы

— Матушка наша! – Градоначальница! – Ираида Лукинишна! – Вот мы и опять с начальством! – Градоначальница-то наша! Матушка-то наша! Красавица-то наша! Умница-то наша!

Обнимаются, лобызаются, проливают слёзы, поздравляют друг друга. Торжественно провожают Ираидку к крыльцу градоначальникова дома. Пьяные инвалидные солдаты остаются стражей на крыльце, с ними же и связанный Казначей. Глуповцы разбиваются на группы и оживлённо беседуют. Между тем в полицейской будке продолжают сидеть связанные Помощник градоначальника и Стряпчий.

П о м о щ н и к г р а д о н а ч а л ь н и к а

Слышал?

С т р я п ч и й

Слышал.

П о м о щ н и к г р а д о н а ч а л ь н и к а

Видал?

Стряпчий
Видал.
Помощник градоначальника
Что же теперь делать? Как оную самозванку злоехидную Ираидку к концу привести?

Стряпчий
Клин клином вышибай.

Помощник градоначальника
То есть, это как же?

Стряпчий
А вот погоди, градской голова к нам сюда подходит, сейчас услышишь.

Градской голова медленно приближается к полицейской будке, почёсывая затылок; видимо смущён.

Помощник градоначальника
Хороших делов натворили!

Стряпчий
Погладит начальство вас за это по голове!

Градской голова
Ваши высокоблагородия! Как же быть-то? Сам вижу, что неладно дело повернулось.

Стряпчий
А вот как быть! Перво-наперво надо злоехидную оную Ираидку спихнуть. А клин клином вышибают. Знаешь в Глупове авантюристку Клемантинку-де-Бурбон? Подговори её предьявить права свои. Отец её, Клемантинки, кавалер де-Бурбон некогда был где-то градоначальником и за фальшивую игру в карты от должности той уволен. Сама же она, Клемантинка, росту высокого, любит пить водку и ездит верхом по-мужски. Народу она понравится. Поди подучи Клемантинку да поговори с народом. Клемантинкой Ираидку спихнём, а там видно будет.

Градской голова идёт и разговаривает с отдельными группами глуповцев, послав нарочного за Клемантинкой, она скоро появляется и ведёт в кабак четверых солдат инвалидной команды. Тем временем Ираидка показывается на крыльце, вокруг которого толпятся её приверженцы.

Ираидка
Привести сюда Помощника градоначальника да Стряпчего!

Группа глуповцев хватает их и ведёт от полицейской будки к градоначальникову крыльцу.

Ираидка
Признаёте ли вы меня за градоначальницею? Помощник градоначальника (мужественно).

Ежели ты имеешь мужа и можешь показать, что он здешний градоначальник, то признаю!

Ираидка (ярится).

Не о том вас спрашивают, мужняя ли я жена или вдова, а о том, признаёте ли вы меня градоначальницею.

Помощник градоначальника
Если более ясных доказательств не имеешь, то не признаю!

Стряпчий трясётся всем телом и трясением этим как бы подтверждает мужество своего сослуживца.

Глуповцы
Что с ними толковать! На раскат их!

Помощника градоначальника и Стряпчего часть толпы ведёт к колокольне, чтобы бросить на раскат. В это время из кабака появляется навеселе Клемантинка в сопровождении четырёх пьяных инвалидов солдат, вокруг них собирается большая часть толпы.

Глуповцы (две группы):

— Вот она! Вот матушка наша градоначальница Клемантинка!

— Какая градоначальница? У нас есть матушка наша Ираида Лукинишна!

—А! Вы смутьянить! Это кто сказал? Тимошка да третий Ивашка! Прощка да четвёртый Ивашка! На раскат их! Топить их!

Тимошку да третьего Ивашку бросают на раскат. Прощку да четвёртого Ивашку топят в реке; Помощника градоначальника и Стряпчего освобождают и ведут к Клемантишке.

Клемантинка

Что, старички? Признаёте ли вы меня за градоначальницею?

Помощник градоначальника
Ежели ты имеешь мужа и можешь доказать, что он здешний градоначальник, то признаём!

Клемантинка

Ну, Христос с вами! Посадите их опять в полицейскую будку! А потом отведите им по клочку земли под огороды, пускай сажают капусту и пасут гусей.

Тем временем Ираидка с тремя солдатами инвалидной команды укрепилась за крыльцом градоначальникова дома, выставив для прикрытия связанного Казначея. Клемантинка с четырьмя солдатами инвалидной команды мужественно идёт на приступ. Сражение.

К л е м а н т и н к а

Сдайся!

И р а и д к а

Покорись, бесстыжая! да уйми своих кобелей!

Однако Ираидка начала ослабевать, но и то благодаря лишь тому обстоятельству, что Казначей, проникнувшись гражданской храбростью, решительно отказался защищать укрепление, быть прикрытием и лёг на землю. Положение осаждённых сделалось весьма сомнительным. Теснимая войсками Клемантинки Ираидка отступает за сцену, где продолжают звуки сражения и скоро раздаётся сильный взрыв.

Стоявшие любопытными зрителями глуповцы всполошились.

Г л у п о в ц ы

— Что случилось? – Что такое? – А это злое, хидная оная Ираидка, предвидя конечную гибель, решила умереть иройской смертью, собрала награбленные в казне деньги и в виду всех взлетела на воздух. – Туда ей и дорога! – Есть у нас теперь подлинная градоначальница матушка наша Клемантинка! – Матушка-то наша! Красавица-то наша! Умница-то наша!

Глуповцы обнимаются, лобызаются, проливают слёзы, поздравляют друг друга. Тем временем Клемантинка победоносно возвращается со своим войском из четырёх солдат инвалидной команды и, приветствуемая народом, проходит в градоначальников дом.

Открывается занавеска, распаивается окно, и видно, как она, беспутная Клемантинка, предаётся с солдатами инвалидной команды изнеженности нравов: попойка, хохот, визг, поцелуи.

Часть глуповцев расходится, часть окружает появившуюся около кабака Амалию Штокфиш – полную белокурую немку с высокой грудью, с румяными щеками, с пухлыми, словно вишни, губами.

Часть глуповцев дразнит сидящих в полицейской будке Помощника градоначальника и Стряпчего.

Г л у п о в ц ы

— Что, господа начальники? – Не сладко? – Огороды копать будете да гусей пасти! – То-то! Были вы начальниками, а стали свинопасами! – Эх ты, свинопас!

Треплют по плечу Помощника градоначальника и отходят с хохотом. Тот вынимает бумажку и записывает на неё имена смельчаков.

Вбегает растерянный Градской голова, в руках депеша.

Г р а д с к о й г о л о в а

Телеграфическая депеша от высшнего начальства! Ваше высокоблагородие, не прочтёте ли? Ну, и делов мы натворили!

П о м о щ н и к г р а д о н а ч а л ь н и к а (читает).

«Известьясь о глуповском нелепом и смеха достойном смятении, повелеваем беспутную оную Клемантинку, сыскав, представить, а которые есть у неё сообщники, то и тех, сыскав, представить же, а глуповцам крепко накрепко наказать, дабы неповинных граждан в реке напрасно не утапливали и с раската звериным обычаем не сбрасывали». (Стряпчему.) А известия о назначении нового градоначальника всё ещё не получено.

Окружившая полицейскую будку толпа глуповцев чешет затылки.

Амалия Штокфиш, собрав толпу приверженцев и шесть солдат инвалидной команды, которых угостила в кабаке, приближается к ним.

Г л у п о в ц ы (чешут затылки).

— Вот так дела! – Как же теперь быть-то?

А м а л ь к а (говорит ломанным русским языком).

Так и быть, что беспутную оную Клемантинку представить по начальству, а градоначальницей буду я, Амалия Карловна Штокфиш, я у одного градоначальника два месяца в помпадуршах жила!

Во главе шести солдат инвалидной команды направляется в градоначальников дом, где и происходит баталия с Клемантинкой и её войском.

Часть глуповцев стоит растерянно.

Г л у п о в ц ы

— Как же теперь быть-то? – А так и быть: да здравствует матушка наша Амалия Карловна градоначальница! – Что ты! Окстись! У нас есть ведь градоначальница матушка наша Клемантинка! – А! вы смутьянить! Это кто сказал? Сёмка! Да пятый Ивашка! На раскат их! Топить их!

Топят в реке Сёмку и принимаются за Ивашку; останавливает их градской голова Пузанов.

Г р а д с к о й г о л о в а

Атаманы-молодцы! Однако ведь мы таким манером всех людишек перебьём, а толку не измыслим!

Г л у п о в ц ы (опомнившись).

— Правда! – Стой! А зачем Ивашко галдит? Галдеть разве велено?

Пятый Ивашко стоит ни жив, ни мёртв перед раскатом, машинально кланяясь на все стороны. В это время победительница Амалька выходит на крыльцо, за нею шесть солдат инвалидной команды ведут взятую в плен пьяную Клемантинку.

Глуповцы волнуются, косятся на Амальку. Неприязненные крики.

Г л у п о в ц ы

Ишь, толстомяся! Пупки-то нагуляла!

А м а л ь к а (гаркает).

Атаманы-молодцы! Вот беспутная она Клемантинка, которую велено, сыскав, представить! Видели?

Г л у п о в ц ы

Видели!

А м а л ь к а

Точно видели? И признаёте её за ту самую беспутную она Клемантинку, которую велено, сыскав, немедленно представить?

Г л у п о в ц ы

Видели! Признаём!

А м а л ь к а

Так выкатить им три бочки пенного!

Г л у п о в ц ы

Вот она! Вот она, матушка-то наша Амалия Карловна! Теперь, братцы, вина у нас будет вдоволь!

А м а л ь к а

А беспутную она Клемантинку впредь до представления по начальству посадить в клетку и вывезти на площадь!

Г л у п о в ц ы (в восторге).

Матушка-то наша! Красавица-то наша! Умница-то наша!

Клемантинку уводят; Амалька уходит в градоначальнический дом, оставив на крыльце стражу из шести солдат инвалидной команды. Глуповцы разбиваются на группы и калякают в ожидании пенного. Из кабака выкатывают три бочки. В то же время на середину площади вывозят большую клетку, в которой сидит трезвеющая Клемантинка. Веселие и разгул. Пока глуповцы орудуют вокруг бочки и, горланя, распивают пенное, Градской голова понуро подходит к продолжающему сидеть в полицейской будке Помощнику градоначальника и Стряпчему.

Г р а д с к о й г о л о в а (чесет в затылке).

Вот тебе и клин клином! Час от часу не легче.

С т р я п ч и й

А ты продолжай! Ещё и ещё! Чем более оных беспутных самозванок будет, тем быстрее друг дружку изведут.

Г р а д с к о й г о л о в а

Ваше высокоблагородие! Помилуйте! Да ведь скоро и на развод людишек не останется из-за оных паскуд! Ошалели людишки, топят друг дружку, с раската кидают. Измыслите, как быть!

П о м о щ н и к г р а д о н а ч а л ь н и к а

Внушай им удаляться от немкиной злоехидной прелести и обратиться к своим занятиям. Ежели же буйство своё продолжать будут, то постигнут их великие от того бедствия.

Г р а д с к о й г о л о в а (тоскливо мотая головою).

Ох, уж и не знаю, как быть! Пойду, попробую сказать слово против немки.

С т р я п ч и й

Продолжай! Клин клином вышибай!

Г р а д с к о й г о л о в а

Легко сказать. Да уж и некого заместо толстомясой им подсунуть!

С т р я п ч и й

А любую расхожую девку, а то и двух-трёх разом!

Градской голова, махнув безнадежно рукой, идёт к народу, заканчивающему распивать бочки пенного и окружившему клетку Клемантинки. Глуповцы дразнят её, просовывают в клетку палки и прутья, хохочут, издеваются.

Г л у п о в ц ы

— Что, Клемантинка, сладко? – А сколько, братцы, эта паскуда винища у нас слопала, страсть!

К л е м а н т и н к а (*огрызается*).

Ваше я что ли пила? Кабы не моя несчастная слабость, узнали бы вы у меня уж, какова я есть!

Г л у п о в ц ы

Толстомясая-то тебе, небось, прежде, какова она есть, показала!

К л е м а н т и н к а

То-то толстомясая! Я какова ни есть, а всё-таки градоначальническая дочь, а то взяли себе расхожую немку!

Г л у п о в ц ы (*призадумались*).

— А что, братцы, ведь над этими клемантинкиными словами призадумаетесь! – Загадала она нам загадку! – Атаманы-молодцы! Ведь она, Клемантинка, хоть и беспутная, а правду молвила! – Пойдём, разнесём толстомясую! – Атаманы-молодцы, стой! А кто же заместо толстомясой немки у нас в градоначальницах будет?

А н е л ь к а (*выступая*).

А хоть бы и я, Анелька! Чем я хуже этой расхожей немки? Хоть и не была я градоначальниковой помпадуршей, а всё же как-то однажды призываема была к градоначальнику для лакомства.

Г л у п о в ц ы (*галдят*).

— Анелька, так Анелька! – Что вы, атаманы-молодцы! Уж очень она ноне на все стороны махаться стала! – А нам всё едино! – Было бы только у нас начальство! – Атаманы-молодцы, стой! Ещё намердись ночью этой самой Анельке мы дёгтем ворота мазали! – А нам наплевать! – Пушай Анелька в градоначальницах! – Ребята! Волоки немку на улицу! Сажай в одну клетку с Клемантинкой!

Глуповцы, предводимые Анелькой, бросаются к градоначальникову крыльцу и после

краткой баталии с шестью инвалидными солдатами врываются в дом. Скоро они выволакивают оттуда Амалью Штокфиш в растерзанном виде и ставят её перед крыльцом. Анелька, разъярившись неслыханно, требует её к ответу.

А н е л ь к а (*подбоченившись*).

Правда ли, девка Амалька, что ты обманым образом власть похитила и градоначальницей облыжно называть себя изволила и тем многих людишек в соблазн ввела?

А м а л ь к а

Правда, только не обманым образом и не облыжно, а была и есмь градоначальница по самой сущей истине.

А н е л ь к а

И с чего тебе, паскуде, такое смехотворное дело в голову взбрело! И кто тебя, паскуду, тому делу научил?

А м а л ь к а (*обиделась*).

Может быть, и есть здесь паскуда, только не я.

А н е л ь к а

Так значит, не винишься?

А м а л ь к а

А в чём мне виниться? Разве в том, что такой паскуде, как ты, девка Анелька, в руки далась.

Г л у п о в ц ы (*галдят*).

— А что с ней толковать-то! Топить её! На раскат её!

— Стой! Сажай её в клемантинкину клетку, пушай друг дружку поедом съедят!

Впихивают Амальку в клетку, Клемантинка и Амалька немедленно сцепляются друг другу в волосы.

Г л у п о в ц ы

— Атаманы-молодцы! Да не пихнуть ли к ним в клетку заодно и шельму Анельку. – И то! Давай её сюда! – Где шельма Анелька? – Сбежала, шельма! Как сквозь землю провалилась!

Справа и слева вбегают по группе глуповцев.

— Атаманы-молодцы! в солдатской слободе объявилась ещё градоначальница Дунька Толстопятая! – Атаманы-молодцы, в стрелецкой слободе объявилась новая градоначальница Матрёнка-Ноздря! – Тоже говорят, что не раз призывались к градоначальникам для лакомства. – Бесчинствуют несказанно! – Выходят на улицу и кулаками сшибают проходящим

головы! – Ходят в одиночку на кабаки и разбирают их! – Ловят молодых парней и прячут их в подполья! – Едят младенцев! – Распустивши волоса по ветру, нагишом бегают по улицам словно исступлённые, плюются, кусаются и произносят неподобные слова!

Среди глуповцев смятение, временное молчание, потом нарастающий гомон, среди которого вдруг слышатся бубенчики: въезжает приехавший из губернии Чиновник.

Г л у п о в ц ы

А ты ещё кто? И с чем к нам приехал?

Ч и н о в н и к

Чиновник я из губернии и приехал сюда по казённой подорожной для розыску бездельных ваших дел.

Г л у п о в ц ы

— Врёт он! Он от Клемантинки, от подлой подослан! – Либо от Амальки! – Волоките его на съезжую!

Ч и н о в н и к

Да что вы, братцы! Как подослан! Вот мои бумаги...

Г л у п о в ц ы

— Нам, брат, этой бумаги целые вороха показывали, да пустое дело вышло! – А с тобой нам ссылатся не пригоже, потому ты, и по общичью видно, беспутной оной Клемантинки лазутчик! – Что с ним по пустякам лясы точить! В воду его и шабаш! – Топить его!

Топят Чиновника в реке.

— Давай сюда других! – Давай сюда Анельку! Матрёнку-Ноздрю! Дуньку Толстопятую! – Шельма Анелька сбежала! Нигде не найти! – Атаманы-молодцы, Матрёнку-Ноздрю поймали! Ведут! – А давайте, братцы, вежливенько её в реке топить! – Сказывай, кто тебя, сущую бездельницу и воровку на воровство научил и кто в том деле тебе пособлял? – Ишь ты, мразь! Только в воде пузыри пускает, а сообщников и пособников не выдаёт! – А где Дунька Толотопятая? – Укрепилась на большом клоповном заводе, да и всё тут! – А надо, братцы, изымать её беспрременно! – Да! Поди, сунься! Ловкой! (Кричат за сцену.) – Сдавайся, Дунька, не тронем! – Ишь, Толстопятая! Отвечает невежеством! – Ах, съешь ты клопы! – И то, братцы, съедят, глядите: клопы-то тучей ползут! Выпустила их на нас!

Паника, отступление.

— Стой, не трусь! Вару тащи! Заливай! Чтобы ни прохода, ни пролаза клопу не было! – Ага! повернули назад! – Всю Дуньку облепили!

Отчаянный визг Дуньки за сценой.

— То-то же! Заели клопы!

Минутное молчание.

— Ну, атаманы-молодцы, теперь мы со всеми расправились!

— А Клемантинка беспутная с Амалькой толстомясой?

Глуповцы расступаются, видна пустая клетка.

— Вот так дело вышло, братцы! – Друг дружку поедом дочиста съели! – Одни кости остались! – Ну, и ладно! Туда им и дорога! – Избыли мы всех оных беспутных и расхожих девок!

— Атаманы-молодцы! В ком ещё крамола осталась, выходи! – Все очистились? – Все! все! – Крестись, братцы! – Теперь у нас крамольного греха не осталось ни на эстолько! – Известное дело! Не зря же столько народу перебили да перетопили. – Никого из нас теперь не попрекнёшь ни Клемантинкой, ни Ираидкой, ни Матрёнкой.

— А вот с этими как быть?

Показывают на Помощника градоначальника и Стряпчего, которые ни живы, ни мёртвы трясутся в полицейской будке.

— А их напоследок тоже вежливенько в реке утопить. – Чтобы никакого начальства на развод не осталось. – А как же, братцы, без начальства-то будем? – А как отцы наши были. – До той поры глуповцами будем, пока вновь волю свою не найдём. – Быть так! – Веди! – Топи!

В это время на крыльце градоначальникова дома показывается градоначальник Брудастый, за которым виднеется Байбаков. Голова градоначальника починена и даже, по видимому, заново отлакирована. Брудастый выступает вперёд, вращает глазами, шипит, раскрывает рот и зверски гаркает второй своей мотивчик.

Б р у д а с т ы й

Раз-зо-рю!

Всеобщий ужас. Глуповцы шарахаются, часть падает на колени. Брудастый продолжает шипеть и вращать глазами, выкрикивая.

Брудастый

Раз-зо-рю! Раз-зо-рю! Раз-зо-рю!

Всеобщее оцепенение, все застыли. Слышен сперва далеко, а потом всё ближе и ближе звон бубенчиков. Градской голова выбегает из почты с телеграммой в руках, в волнении не замечает происшедшего и бросается к Помощнику градоначальника и Стряпчему, которых глуповцы оставили посередине площади.

Градской голова

Ваше высокоблагородие! Телеграфическая депеша от высшего начальства!

Помощник градоначальника *(читает)*.

«В город Глупов ныне же прибудет назначенный градоначальником Фердыщенко Пётр Петрович, бригадир. Глуповское нелепое и смеха достойное смятение немедленно же прекратить. Бывшего же градоначальника Брудастого, посадив в особый сосуд, наполненный спиртом, отправить к высшему начальству для освидетельствования».

Брудастый на крыльце обмякает и никнет как пустой мешок. Всеобщее оцепенение продолжаетеся.

Бубенчики совсем близко – и на сцену влетает бричка, в которой восседает в полной парадной форме новый градоначальник бригадир Фердыщенко.

Глуповцы *(приходя в себя и умиляясь)*.

— Градоначальник-то новый! – Пётр Петрович Фердыщенко! – Батюшка-то наш! – И в мундире!

Фердыщенко *(зычно)*.

Зачинщики вперёд!

Глуповцы *(суетливо)*.

— Теперь по головке не поглядят! – Кто же зачинщики-то? – Братцы, винись! – Кому быть в зачинщиках-то? – Да вот Стёпка Горластый! – Да вот Филька Бесчастный!

Фердыщенко

Вязать их! А вы – по домам! И ждать дальнейших распоряжений. *(Гаркает.)* По сторонам не зевать! Смотреть в оба!

Идёт на крыльцо градоначальникова дома, сопровождаемый Помощником градоначальника и Стряпчим и окружённый невесть откуда появившимися чиновниками, среди

которых Смотритель народного училища, Казначей, так и оставшийся с разинутым ртом, Начальник инвалидной команды, Поп и другие.

Глуповцы *(ликующе, хором)*.

Батюшка-то наш! Красавчик-то наш! Умница-то наш!

ДЕЙСТВИЕ II.

«ГОЛОДНЫЙ ГОРОД», «СОЛОМЕННЫЙ ГОРОД» И «ФАНТАСТИЧЕСКИЙ ПУТЕШЕСТВЕННИК»

Действующие лица: Градоначальник Фердыщенко.

Алёнка. Митька. Домаха. Денщик. Экономка. Градской

голова Пузанов. Поп. Приказный Боголепов. Ходоки:

Евсейч. Пахомыч. Юродивые: Архипушка, Анисьюшка.

Глуповцы. Излюбленные старички. Будочники.

Инвалидные солдаты. Военная команда.

Та же площадь. Градоначальник Фердыщенко сидит у окна и пишет донесение; глуповцы беседуют между собой и потом подходят к градоначальникову крыльцу.

Фердыщенко *(продолжает)*.

«...У всех вообще глуповских граждан вижу недовольство и опасаясь, дабы оно не перешло в явный бунт. А посему пишу повторительно: шлите хлеб, а коли хлеба не имеется, так по крайности пускай хоть команда прибудет».

Глуповцы *(подходя)*.

Так как же, господин бригадр, насчёт хлеба-ца-то? Похлопочешь?

Фердыщенко

Хлопочу, братики, хлопочу! Вот и сейчас пишу по начальству.

Глуповцы

То-то, уж ты постарайся!

Отходят на просцениум и стоят, понутив головы.

— Выхлопочет он, как же! – Что же, братцы, видно помирать пришла пора. – И помрешь, не откажешься. – С самого вешнего Миколы и вплоть до Ильина дня хоть бы капля дождика! – Земля потрескалась. – Гарью запахло. – Яровые совсем не взошли. – Лебеды, и той не родилось. – Одни горшечники ведру радовались, да и те раскаялись, скоро увидали, что горшков много, а варева нет. – Убрались мы с сеном, и что же? Животы кормить нечем. – Кончили

жнитво, и что же? Людишкам кормиться тоже нечем. – Нет этой беды горше! – Видно, братцы, помирать пришла пора! – И помрешь, не откажешься!

Молчание.

— А уж и помирать стали людишки. – Всё, что было, приели. – Выдумать надо, братцы, какую такую пищу стряпать, от которой была бы сытость. – Пробовали мы мешать муку с ржаной резкой, а сытости нет. – Думали, лучше будет с толчёной сосновой корой, но и тут настоящей сытости не видать. – Хоть и точно, что от этой пищи словно кабы живот наедается; однако, братцы, надо так сказать: самая эта еда пустая! – Что ж удивиться, что умирают людишки! – Весь город обезлюдил. – Кои померли, кои, обеспамятев, разбежались кто куда! – И за какие это наши грехи господь наказует?

Молчание.

— Наказует-то наказует, да за наши ли грехи? – Не за грехи ли оногу гунявого пса бригадира Фердыщенка градоначальника нашего? – И то! – И что это с ним случилось, скажи на милость. Шесть лет кряду мирно градоначальствовал. – Уж так был прост, так прост! – Дани брал умеренные. – Не утеснял безмерно. – Сидит себе бывало вечером на крылечке в затрапезном халате да калякает. – А ежели и пороть начнёт, то ласково таково приговаривает: «А ну, братик-сударик, ложись!» Либо: «А ведь корову-то у тебя, братик-сударик, продать надо! Потому, братик-сударик, что недоимка это святое дело!» – Нужды нет, что он парадов не делал да с полками на нас не ходил, за то мы при нём, батюшке, свободу узрили. – Вышел ты, бывало, за ворота: хошь на месте сиди; хошь куда хошь иди! Свобода! – А прежде сколько одних порядков было, не приведи Бог! – А зато за все шесть лет город и не горел, и гладя не было, ни повальных болезней, ни скотских падежей! – А всё от чего? От простоты градоначальника нашего Петра Петровича Фердыщенка. – А вот на седьмой год что с ним случилось, скажи на милость.

Оживлённо галдят.

— Очумел, греховодник! – Бабником стал! – Халат скинул, мундир надел! – Девкам да жёнкам проходу не даёт! – Стрельчиху Домаху

от стрельцов уж увёл. – Больно лаком стал! Подикось, опчественную бабу у опчества отнял! – Теперь к Алёнке, Митьки-ямщика бабе, лезет. – Того гляди сведёт от мужа. – А нечто это закон? – А как же и не быть-то засухе лютой, гладу великому? – По чужим грехам терпим!

Градоначальник Фердыщенко, подслушивавший всё это из окна, теперь показывается на крыльце; он в вицмундире. За градоначальником на вытяжку денщик и два инвалидных солдата. Фердыщенко зычно гаркает на глуповцев.

Ф е р д ы щ е н к о

По сторонам не зевать! Смотреть в оба!

Г л у п о в ц ы (отходя).

— Показать бы тебе кузькину мать!

— Показать – отчего не показать; а только – ну как, братцы, нас за это не похвалят.

Фердыщенко усаживается на крыльце и грозно пялит глаза. Из кабака выходят обнявшись ямщик Митька и жена его Алёнка. Распевая песни, проходят мимо градоначальникова крыльца.

Ф е р д ы щ е н к о (манит пальцем Алёнку).

Эй, молодка!

А л ё н к а

Чего тебе?

Ф е р д ы щ е н к о

Подойди сюда, не съем.

А л ё н к а (подходит).

Чего надо-то?

Ф е р д ы щ е н к о

А всё того же, о чём и допрежь говорил: хочешь, молодка, со мною в любви жить?

А л ё н к а (с наглостью смотрит ему в глаза).

А на что мне тебя... гунявого? У меня свой муж хорош!

Ф е р д ы щ е н к о (разозлился).

Нехорошие это твои слова! Долго я терпел, а теперь уж я за тебя возьмусь! Эй, послать им на постой двух инвалидов! А вы, братики-сударики, идите да действуйте на постое с утеснением, в ответе не будете!

Оба инвалида спешно ковыляют за Митькой и Алёнкой, последняя хватает около полицейской будки метлу и гонит перепуганных инвалидов.

А л ё н к а (орёт на всю улицу).

Ай да бригадир! К мужней жене, словно клоп, на перину всползти хочет!

Хохот окруживших место баталии глуповцев. Алёнка с Митькой уходят; Фердыщенко свирепеет, бегаёт по крыльцу, стучит кулаками и кричит.

Фердыщенко

Кто ваш начальник? Сказывайте! Или, может быть, не я ваш начальник?

Глуповцы хмуро отходят. Фердыщенко бегаёт по крыльцу и понемногу успокаивается.

Фердыщенко

А ну-ка, братики-сударики, пожалуйте сюда! Да не все! Одни лишь старички да Излюбленные люди!

Из среды глуповцев выделяется группа Излюбленных людей и стариков, предводимых Градским головою Пузановым; подходят к градоначальнику.

Фердыщенко

Вот, братики-сударики, какое дело, сами видели, сами слышали. Я к ней добром, она на меня помелом. А где такой закон есть, чтобы градоначальнику без помпадурши жить?

Излюбленные еглуповцы

— Вестимо дело! – Нет такого закона!

Фердыщенко

Ну, так вот, братики-сударики, надо оных власти противляющихся Алёнку да Митьку в разум ввести. Вам, старички-братики, книги в руки! Какое количество по душе назначите, я наперёд согласен! Потому теперь у нас время такое: всякому своё, лишь бы поронцы были.

Излюбленные глуповцы вполголоса совещаются и, слегка погалдев, выносят следующий ответ.

Излюбленные еглуповцы

Сколько есть на небе звёзд, столько твоему благородию их, шельмецов, и учить следовало.

Фердыщенко

Сколько есть на небе звёзд? А сколько же их? Вот придёт ночь, надо будет пересчитать. (К денщику). Василий Чернотуп, тебе не ведомо ли, сколько на небе звёзд?

Денщик

Звёзд на небе, ваше благородие, видимо-невидимо.

Фердыщенко

Ладно, коли так! (К будочникам.) Взять Митьку и Алёнку Прокофьевых, отвести на съезжую и всыпать им видимо-невидимо!

Будочники уходят, вскоре проводят Алёнку и Митьку в съезжую избу.

Фердыщенко (разметался).

Вот заведу себе вторую помпадуршу; испытатели мы бабу строптивую Домаху, теперь станем испытывать бабу сладкую Алёнку. А потом отправлюсь-ко я по градоначальству своему путешествовать. Сразу и глад прекратится, и зной умерится, велико дело начальнический глаз! Утучнятся поля, прольются многоводные реки, поплывут суда, процветёт скотоводство, объявятся пути сообщения... Травы сделаются зеленее и цветы расцветут ярче...

Митьку и Алёнку выталкивают после экзакуции из съезжего дома; Алёнка в растерзанном виде, ревёт; Митька мрачен.

Фердыщенко (подзывая Алёнку).

Что, молодка, от бригадировых моих шелепов пользу для себя вкусила?

Алёнка ревёт.

Фердыщенко

Что, дурья порода, надумалась?

Алёнка (огрызается).

Ишь тебя, старого пса, ущемило! Или мало на стыдобушку мою рассмотрелся?

Фердыщенко

Ладно!

Митька и Алёнка проходят на просцениум и садятся у полицейской будки.

Алёнка (подваливается к Митьке и ревёт).

Видно как-никак, а быть мне у бригадира в полюбовницах!

Митька (задыхается).

Только ты это сделай! Да я тебя... И черепки-то твои поганые по ветру пуцу!

Полез было на Алёнку с кулаками, но вдруг одумался, затрясся всем телом, повалился на лавку и заревел. Кричит он шибко, что мочи, а про что кричит, того разобрать невозможно. Видно только, что человек бунтует.

Фердыщенко (грозно кричит).

Это что? Ты у меня бунтовать? Неповиновение! Бунт! Заковать его, отъявленного вора и злодея в кандалы! Увести на съезжую! А завтра же бить на площади кнутом и по

наложении клейм отправить в Сибирь в числе прочих сущих воров и разбойников.

М и т ь к а (*мрачно*).

Ладно! Ты, старый пёс, у меня жену уводом уводишь, и я тебе это, старому псу, прощаю, жри!

Митьку уводят, Алёнка кричит истошным голосом, бежит за Митькой, потом бросается к градоначальникову крыльцу, рвёт на себе сафан и кричит.

А л ё н к а

На, пёс! жри! жри! жри!

Ф е р д ы щ е н к о

Одумываешься, ну и ладно! А я старик добрый, ещё ничего от тебя не видя, готов тебя и одарить. (*Кричит в дом.*) Эй, вынести Алёнке вяземский пряник да банку помады! А мне подать мой новый парадный мундир!

Из градоначальникова дома выбегает старуха-экономка, помогает Фердыщенко надеть новый мундир, а Алёнке выносит вяземский пряник да банку помады. Увидев эти богатые дары, Алёнка как будто опешила, кричать – не кричит, а только потихоньку всхлипывает.

Э к о н о м к а (*уговаривает Алёнку*).

Ну, чего ты, паскуда, жалеешь, подумай-ка! Ведь тебя бригадир-то в медовой сыте купать станет. Да взгляни на него – молодец молодец!

А л ё н к а (*нерешительным голосом*).

Митьку жалко!

Экономка уводит Алёнку в дом.

А л ё н к а (*глуповцам*).

Ну, попомните же вы, что за Митьку да меня не заступились!

Фердыщенко ходит гоголем по площади.

Ф е р д ы щ е н к о

Ну, братики-сударики, должны вы теперь по случаю градоначальниковой радости дары мне поднести, фейерверк пустить, иллюминацию зажечь, да и всякий иной почёт мне оказать. (*Гаркает*). По сторонам не зевать! Смотреть в оба! (*Уходит в дом*).

Г л у п о в ц ы

— Сами голодаем, а ему дары подноси! – Люминацию зажигай! – Почёт оказывай!

Г р а д с к о й г о л о в а

А ведь не миновать, атаманы-молодцы! Не отвертись! Придётся, Излюбленные старички, раскошелиться! Есть у меня в лавке залежалая тешка осетровая да плесневелой ветчины кусок, да ещё кой-чего понаскребём. А и почёт ему окажем, собирайся, кто горазд в бубны бить, становись впереди.

Вяло суетятся, приносят дары, расстанавливаются для парада. Из градоначальникова дома выходит Фердыщенко, за ним свита – денщик и два инвалидных солдата. Сходит с крыльца и обходит глуповцев; его встречают оглушительными фанфарами: четверо глуповцев бьют в тазы, один ударяет в бубен. Излюбленные глуповцы подносят ему водку, которой он сразу выпивает несколько чарок, и вручают дары. Старуха в толпе навзрыд плачет от умиления.

Ф е р д ы щ е н к о (*хмелея*).

О чём ты, старушка, плачешь?

С т а р у х а (*всхлипывает*).

Ох, ты наш батюшка, как нам не плакать-то, кормилец ты наш! Век мы свой всё-то плачем... всё плачем!

Ф е р д ы щ е н к о (*принимая дары*).

Тешка осетровая солёная... Севрюжка провесная средняя... Кусок ветчины... Мало, братики-сударики, мало, да и дары-то ваши не настоящие, а лежалые и служат к умалению моей чести!

Г л у п о в ц ы

Прими ещё с души по полтиннику!

Суют ему деньги; Фердыщенко успокаивается.

Ф е р д ы щ е н к о

Ну, вот так будет ладно! Вот только ещё Алёнке на драдедамовый платок соберитесь, поднесите. А пока побеседуемте: расскажите мне, старички, каковы у нас тут есть достопримечательности.

Г л у п о в ц ы

— Каким же быть-то? – Нет никаких! – Разве вон в углу навозная куча лежит.

Ф е р д ы щ е н к о

Ну, на нет и суда нет. А в недрах земли как?

Г л у п о в ц ы

Об этом мы неизвестны. Думаем, что много должно быть, однако допытываться боимся, как бы кто не увидел да начальству не пересказал.

Ф е р д ы щ е н к о (*усмежается*).

Боитесь. Эх вы, народ! Уж подлинно глуповцы! Как вас не корить, как тут не тужить! Нет у вас ни мореходства, ни судоходства, ни горного и монетного промыслов, ни путей сообщения, ни даже статистики – ничего, чем бы начальниково сердце развеселить. А главное, нет предприимчивости. Вам бы следовало корабли заводить, кофей-сахар разводить, а вы что!

Г л у п о в ц ы (*переглядываются*).

— К чему это он? – Как будто и к слову, а как будто и не к слову свою речь говорит. – Нешто ещё по полтиннику с души? – Придётся дать, ничего не поделаешь. – А то мореходством замучает. – Вот прими, сделай милость, ещё от нас дар!

Ф е р д ы щ е н к о (*прячет деньги*).

На этом спасибо, а что про мореходство сказалось, на том простите.

Г р а д с к о й г о л о в а

Ваше благородие! Припасена у меня за паухой в дар вашему благородию деревянного дела пушечка малая на колёсцах и гороху сушёного запасец небольшой.

Ф е р д ы щ е н к о (*принимая дар, обрадовался несказанно*).

Ах, прах-те побори! Вот это так! Вот за это спасибо! Вот сейчас мы и позабудемся!

Садится по середине площади и начинает из пушечки стрелять; совсем уже охмелел, стрелять не умеет; помогает ему в этом деле денщик Василий Черноступ, который хотя тоже пьян, но не гораздо.

Ф е р д ы щ е н к о

Вот так! Вот так! Первая, пали! Вторая, пали! Никому спуска не дам! Все вы бунтовщики! Всех вас до одного перестреляю!

Д е н щ и к (*обрывает*).

Пустое ты дело затеял! Кабы не я, твой приставник, слова бы тебе, гунявому, не пикнуть, а не то чтоб за экое орудие взяться!

Ф е р д ы щ е н к о (*трезвея*).

Ну ладно, ступай прочь! А вот, Излюбленные старички, о чём я с вами побеседовать хотел: бунт у нас, неповиновение! Народ избаловался, смутьянить стал, недовольство оказывает. Голод! Эка штука – голод! Коли голод – ну и терпи. Вы бы, старички-братики, поговорили

с народом, ободрили его. Вы поговорите, а я в сторонку отойду, да послушаю.

Излюбленные старички во главе с Градским головою Пузановым мнутя, переглядываются, совещаются, потом созывают на просцениум глуповцев и начинают их увещать.

И з л ю б л е н н ы е с т а р и ч к и

— Вот что, атаманы-молодцы, начальника мы теперь почтили. Теперь будем хлеба ждать. Надо потерпеть! – Мы люди привышные! Мы претерпеть можем. Ежели нас теперича всех в кучу сложить и с четырёх концов запалить, мы и тогда противного слова не молвим! – Это что говорить! Нам терпеть можно! Потому, мы знаем, что у нас есть начальники! – Ты думаешь как? Ты думаешь, начальство-то спит? Нет, брат, оно одним глазком дремлет, а другим поди уж где видит!

Г л у п о в ц ы

— Что ж! Это дело известное! – Так-то оно так! – А всё ж, долго ли ещё нам с голоду помирать? – Да ещё за чужие грехи! – Ты, бригадир, полюбовниц содержишь, от мужей жён отбиваешь, а мы за тебя отвечаем! – Почтить мы тебя почтили, а теперь и ты нам ответ дай! – Ведь это, поди, неладно ты, бригадир, делаешь, что мужнюю жену уводом увёл! – Да и не за тем ты сюда от начальства прислан, чтобы мы, сироты, за твою дурость напасти терпели!

Ф е р д ы щ е н к о (*вертится*).

Потерпите, братики, всего вдоволь будет.

Г л у п о в ц ы

— То-то! Мы терпеть согласны! Мы люди привышные! А только ты, бригадир, об этих наших словах подумай! – Потому неравён час: терпим-терпим, а тоже и промеж нас глупого человека немало найдётся! – Как бы чего не случилось!

— А что, получил ли ты, бригадир, ответ на свои докуки?

Ф е р д ы щ е н к о

Не получал, братики!

Г л у п о в ц ы

Гунявый ты! Вот что! Оттого тебе, гадёнку, и не отписывают! Не стоишь! Видно надо нам своим умом изворачиваться, на тебя надежды мало.

Отходят к колокольне и совещаются между собою. Фердыщенко в волнении бежит по просцениуму.

Ф е р д ы щ е н к о

Да, убеждениями с этим народом ничего не поделаешь! Тут не убеждения требуются, а одно из двух: либо хлеб, либо команда! Слово и Бог-то наш край позабыл! Обнаглели людишки! Смотрят нелепым обычаем прямо в глаза! (*Увидя проходящего Попа*). Эй, батя, батя! Хоть бы ты молебен об избавлении от глада и мора отслужил!

П о п

Служил оных не мало. Но недоходчива ныне молитва до Господа, за грехи карает.

Ф е р д ы щ е н к о

Да за чьи грехи-то?

П о п (*уклончиво*).

Новая некая Иезавель наводит глад и мор на землю.

Ф е р д ы щ е н к о

Какая там Иезавель?

П о п

Бысть во время оно во Израиле царь Ахав, иже сотвори лукавое пред Господом и прелукавнова паче всех бывших прежде его. Взя себе Иезавель и нача с ней служити Ваалу и поклоняться ему. И бысть глад по всей земле. Господь же рече: доколе не растерзают оную Иезавель псы, изгибнет народ весь до единого.

Ф е р д ы щ е н к о

Очнись, батя! Ужли-ж Алёнку либо Домаху собакам отдать!

П о п

Не ктому о сём говорю! Однако и о нижеследующем не излишне размыслить: паства у нас равнодушная, доходы малые, провизия дорогая... Где пастырю-то взять, господин бригадир?

Ф е р д ы щ е н к о

Ох! За грех, меня, старого, бог попутал!

Фердыщенко пригорюнился.

Во время разговора его с попом глуповцы вели своё совещание.

Г л у п о в ц ы

— Да надо, братцы, взяться за ум! – Своим умом жить! – Нарядить ходока! – Сперва к бригадиру, а потом и к высшим властям! – Ходока! Ходока! – А кому в ходоках быть-то? – Да кому, как не Евсеичу. Самый древний он у нас во всём Глупове человек! (*Кланяются в пояс*). – Евсеич, уважь! – послужи миру!

Е в с е и ч (*кланяется в пояс*).

Освободите, православные! Трудно мне! Много годов на свете живу!

Г л у п о в ц ы

Сколько ты, Евсеич, на свете годов живёшь, сколько начальников видел, а всё жив состоишь!

Е в с е и ч (*внезапно воспламенившись*).

Много годов я выжил! Много начальников видел! Жив есмь! (*И, сказавши это, заплакал*).

Г л у п о в ц ы

— Взыграло древнее сердце его, чтобы послужить! – Бодрись, Евсеич, бодрись! – послужи миру!

Е в с е и ч

Положил я в сердце своём искушать бригадира до трёх раз. Либо моя правда победит, либо бригадировы шелепа!

Решительным шагом направляется к градоначальникову крыльцу и, окружённый толпою глуповцев, становится перед бригадиром.

Е в с е и ч

Ведомо ли тебе, бригадиру, что мы здесь целым городом сироты помираем?

Ф е р д ы щ е н к о

Ведомо.

Е в с е и ч

И то ведомо ли тебе, от чьего бездельного воровства такой обычай промеж нас учинился?

Ф е р д ы щ е н к о

Нет, не ведомо.

Оба молча смотрят в глаза друг другу и оба боятся. Евсеич понемногу начинает терять твёрдый вид. Долгое молчание.

Е в с е и ч

С правдой мне жить везде хорошо! Ежели моё дело справедливое, так ссылай ты меня хоть на край света, мне и там с правдой будет хорошо!

Ф е р д ы щ е н к о

Это точно, что с правдой жить хорошо; только вот я какое слово тебе молвлю: лучше бы тебе, древнему старику, с правдой дома сидеть, чем беду на себя накликашь!

Е в с е и ч

Нет! Мне с правдой дома сидеть не приходится! Потому она, правда-матушка, непоседлива! Ты глядишь как бы в избу да на полати

влезти, ан она, правда-матушка, из избы вон гонит... вот что!

Ф е р д ы щ е н к о

Что-ж! По мне, пожалуй! Только как бы ей, правде-то твоей, не набежать на рожон!

Опять молча смотрят друг другу в глаза. Евсеич всё более и более теряет твёрдый вид. Фердыщенко всё более чувствует твёрдую почву под ногами, и говорит как бы про себя.

Ф е р д ы щ е н к о

Ежели человек о правде безнуждно беседует, то значит, не вполне он уверен, точно ли его за эту правду не посекут...

Долгое молчание.

Е в с е и ч *(собрав всё своё мужество).*

А ведомо ли тебе, старому псу...

Ф е р д ы щ е н к о *(гаркает).*

Одеть дурака в кандалы!

Два инвалидных солдата берут Евсеича и ведут его на съезжую. Глуповцы расступаются и дают дорогу.

Г л у п о в ц ы

Небось, Евсеич, небось! С правдой тебе везде будет жить хорошо!

Е в с е и ч *(кланяется на все стороны).*

Простите, атаманы-молодцы! Ежели кого обидел, ежели перед кем согрешил, ежели кому неправду сказал... всё простите!

Г л у п о в ц ы

Бог простит!

Е в с е и ч

И ежели перед начальством согрубил... и ежели в зачинщиках был... и в том, Христа ради, простите!

Г л у п о в ц ы

Бог простит!

Евсеич исчезает за дверьми съезжей; Фердыщенко уходит в дом, выглядывая из окна; глуповцы стоят озадаченные.

В это время на площади появляются юродивый Архипушка и юродивая Анисьюшка, первый останавливается середь площади и начинает раздувать по ветру рубашкой.

А р х и п у ш к а

Горю! Горю!

Г л у п о в ц ы *(окружая юродивого).*

Где, батюшко?

А р х и п у ш к а *(бормочет).*

Стрела бежит, огнём палит, смрадом-дымом душит. Увидите меч огненный, услышите голос архангельский... Горю!

Выговоривши свою нескладицу, юродивый тотчас же скрылся, точно сквозь землю пропал. Глуповцы задумались.

Г л у п о в ц ы *(покачивая головами).*

Про стрелу помянул! Явное дело, метит на Стрелецкую слободу!

В это время юродивая Анисьюшка, державшая в руках крошечный узелок, села посередь площади и начала ковырять пальцем ямку. И её обступают глуповцы.

Г л у п о в ц ы

Что ты, Анисьюшка, делаешь? На что ямку копаешь?

А н и с ь ю ш к а *(с бессмысленною улыбкой).*

Добро хороню!

Г л у п о в ц ы

Пошто же ты хоронишь его? Чай, и так от тебя, божьей старушки, никто не покорыствуется.

А н и с ь ю ш к а

Добро хороню... восемь ленточек... восемь тряпочек... восемь платочков шёлковых... восемь золотых запоночков... восемь серёжек яхонтовеньких... восемь перстеньков изумрудных... восьмеро бус янтарных... восьмеро ниток бурмицких... девятая – лента алая... хи-хи!

Г л у п о в ц ы *(испуганно шепчут).*

Господи, что такое будет?

Ф е р д ы щ е н к о *(гаркает из окна).*

Опять за бунт принялись! Не прочухались!

Г л у п о в ц ы *(отходя к колокольне).*

— Вот-то пса несытого нелёгкая принесла! – Как же, братцы, теперь быть? – Видно беды ждут нас неминуемые! – Как бы нам о себе промыслить? – Иного не измыслить, опять ходока надо выбирать! – А его гунявый опять в кандалы да на съезжую. – Что ж! И пойдёшь, не откажешься! – Всех не пересаждает! – Велика наша нужда, а всё будто полегше, раз есть такой человек, что за всех готов стараться. – Без старания не обойдёшься, это верно! – Кого же в старатели-то? – Кого в ходоки? – Пахомыча! Пахомыча! – Пахомыч, послужи миру! – Постарайся! – Уважь, не отказывайся! – Будь старателем!

Кланяются в пояс Пахомычу, а он – им.

Пахомыч

Послужу, атаманы-молодцы, порадею миру. Только к бригадиру не пойду, надо выше брать. Теперь самое верное средство – начать во все места просьбы писать. Знаю я одного человечка, не к нему ли нам наперёд поклониться сходить?

Глуповцы (*обрадовались*).

— Вот это так! – Чего же лучше! – Стойте, атаманы-молодцы! Как бы нас за этого человека бригадир не взбондировал! Лучше спросим наперёд, каков таков человек.

Пахомыч

А таков этот человек, что все ходы и выходы знает! Одно слово, прожжённый!

Глуповцы

Да кто он таков?

Пахомыч

Отставной приказный Боголепов. Выгнали его из службы за трясение правой руки, а причина оному трясению в напитках. Сами, чай, знаете, живёт он на болоте в избёнке некоей мещанской девки нравом легкомысленной, а за то и именуемой прозвищем «козы» и «опчественной кружки». Занятий настоящих не имеет, а строчит с утра до вечера ябеды, правой рукой пишет, левой рукой правую придерживает. Он нам любую бумагу составить может, стоит только шкалик поднести.

Глуповцы

— Чего лучше! – Этот нам напишет! – Дело верное! – Зови его сюда! – Тащи стол да водку, перо да бумагу!

Суетятся, приносят небольшой стол, ставят его на просцениуме перед полицейской будкой; другие в это время приводят Боголепова, с которым разговаривает Пахомыч.

Боголепов выслушивает, выпивает несколько шкаликов, садится за стол, на минуту задумывается, как будто ему ещё нужно старый хмель из головы вышибить. Вслед за тем он торопливо вынимает из чернильницы перо, обсасывает его, сплёвывает, цепляется левой рукой в правую и начинает строчить, одновременно читая.

Боголепов

«Во все места Российской Империи.

Просят пренесчастнейшего города Глупова всенижайшие и всебедствующие всех сословий чины и людишки, а о чём, тому следуют пункты:

Пункт первый. Сим доводим до всех Российской Империи мест и лиц: мрём мы все сироты до единого. Начальство же кругом себя видим неискусное, ко взысканию податей строгое, к поданию же помощи мало поспешное. И ещё доводим: которая у того бригадира Фердыщенка ямская жена Алёнка, то от неё беспременно всем нашим бедам источник будет, а более того причины не видим. А когда жил бригадир тихо и смирно, то и в нашем городе было смирно, и жили мы всем изобильно. Хотя же и дальше терпеть согласны, однако опасаемся: ежели все помрём, то как бы бригадир со своей Алёнкой нас не оклеветал и перед начальством в сомнение не ввёл.

Пункт второй. Более сего пунктов не имеется.

К сему прошению вместо людишек города Глупова за неграмотностью их поставлено столько крестов, сколько людишек».

Глуповцы (*ставят кресты*).

— Вот это так! – Словно отлегло от сердца! – Вот это дело! – Вот уж написал, так написал!

Боголепов

Теперь запаковать бумагу в конверт, запечатать и сдать на почту. Шлите бумагу, теперь ваше дело верное!

Боголепов, получив мзду и выпив на дорожку шкалик, уходит; Пахомыч плетётся с конвертом на почту, глуповцы следят за ним глазами.

Глуповцы

— Теперь бумага пошла! – Ишь, поплелась! – Теперь наше дело верное! – Теперь, атаманы-молодцы, терпеть нам не долго! – Теперича мы, братец ты мой, бумагу подали! – А что гунявый-то наш на это скажет? – Каку-таку новую игру старый пёс затеет? – Смотри, братцы, он всех нас завинтит! – Кто кого завинтит, ещё не ведомо!

Фердыщенко (*выходя на крыльцо, гаркает*).

По сторонам не зевать! Смотреть в оба!

Глуповцы молча расходятся. Давно уже темнело, собиралась гроза; теперь блеск молнии и одновременно раскат грома. Почти немедленно вслед за этим зарево за сценой. Резкий набат на колокольне. Всё дальнейшее – в зареве пожара, в постоянной суматохе; отдельные группы глуповцев пробегают в разные стороны

по просцениуму и сцене, обмениваясь отрывочными фразами.

Г л у п о в ц ы

— Пожар! – Пожар! – Вот тебе люминация! – Где горит-то? – В Пушкарской слободе! – Беги ребята! – Ишь, полыхает! – Батюшки-святые!

Набат и зарево сильнее.

Ф е р д ы щ е н к о (*бестолково суетится*).

По сторонам не зевать! Смотреть в оба! Тащи сюда кишку! Устанавливай! Направляй кишку, направляй!

С помощью двух инвалидов солдат тащит пожарную кишку и в течение всей сцены усердно поливает водою градоначальнический дом, покрикивая: «Смотреть в оба! Направляй кишку, направляй!».

Г л у п о в ц ы (*пробегая*).

— Ишь одурел, гунявый! – Пожар-то ещё за версту, а он свой дом поливает! – Ишь, гадёныш! За его грехи терпим!

П о п (*пробегая*).

Православные, ратуйте! К дому моему огонь перебросило! Наказал нас Господь! Беззаконновахом!

Г л у п о в ц ы

— Ты бы, батька, побольше Богу молился да поменьше с попадёрй прохладжался! – Гляди, гляди! Головни полетели! – А вон взвихрилась солома с крыш! – Куда-то полетит? – На ком обрушится? – Беда! В Стрелецкую слободу огонь перекинуло!

Набат; зарево с другой стороны сцены. Паника. Бегут погорельцы со скарбом.

Ж е н с к и й г о л о с

Все ли вы тут, один, другой?.. Николка-то где?

Д е т с к и й г о л о с

Я, маменька, здесь!

Д р у г о й г о л о с

Где Матрёнка? Ведь Матрёнка-то в избе осталась! (*Вопль*). Матрёнка! Матрёнка, где ты?

У т е ш а ю щ и й г о л о с

Да Матрёнка, верно, с испуга на огород убежала!

Г л у п о в ц ы (*пробегая*).

— Батюшки! да ведь в сарае Архипушко горит! – Отворь ворота, Архипушко! Отворь, батюшко! – Не слышит. Кружится, да кричит! – Крыша свалилась! Придавила!

Ф е р д ы щ е н к о (*с кишкой*).

По сторонам не зевать! Смотреть в оба! Направляй кишку, направляй!

Г л у п о в ц ы (*пробегая*).

— А пожар-то обошёл хлевушек, Бурёнушка в нём была заперта! – Ай да Бурёнушка! Умница! – Матрёнку-то нашли! На огороде между гряд спала. – Приказный Боголепов в пьяном виде в сенном сарае сгорел! – Все слободы в огне! – Слобода Болотная горит! – Слобода Негодница занялась! – На город перекинуло! – Бросай тушить, ребята! Дождь пошёл, сейчас зальёт!

Ф е р д ы щ е н к о

Направляй кишку, направляй!

Гроза проходит, проливной дождь.

Г л у п о в ц ы

— А вон гунявый-то, гляди, всё с кишкой бегаёт, дом свой заливает! – Ишь, гадёнок! – Всеу он виноу, и гладу, и пожару! – Он, да Алёнка-ведьма! Он на город сухость навёл, а она, ведьма, за шелепа свои огонь навела!

Глуповцы в зареве потухающего пожара начинают угрожающе толпиться около Фердыщенка; тот, учув неладное, бросает кишку и скрывается в доме. Толпа гудит.

Г л у п о в ц ы

— Алёнку! – Алёнку сюда! – На раскат ведьму! – Да и самого гунявого сюда! – К ответу!

Бросаются к дому, выламывают дверь и скоро выволакивают Алёнку, трепещущую всем телом.

А л ё н к а (*ослабевшим от ужаса голосом*).

Пожалейте, атаманы-молодцы, моё тело белое! Ведомо вам самим, что он меня силком от мужа увёл!

Г л у п о в ц ы

Сказывай, ведьма, через какое твоё колдовство на наш город огонь нашёл.

А л е н к а (*мечется*).

Тошно мне! Ох, батюшки, тошно мне!

Глуповцы тащут Алёнку на колокольню и бросают на раскат, другие в это время выводят из градоначальникова дома стрелчиху Домаху. Домаху – баба-халда, не мытая, не чёсанная, хмельная улыбка бродит по лицу.

Г л у п о в ц ы (*гаркают*).

Здорово живёшь, Домаху! Опчественная баба!

Домаха
Здравствуйте! Ослобонять пришли?
Глуповцы
Охотой идёшь в опчество?
Домаха
Со всем моим великим удовольствием!
Глуповцы (*уводя Домаху*).
— Что, гадёныш, взял! – Посрамихом, посрамихом! – А где гунявый-то? – Тащи его сюда! – Топить его!

Выволакивают из градоначальникова дома трясущегося Фердыщенка, тот кланяется во все стороны.

Фердыщенко
Братики-сударики, что же я поделатать могу? Ведь мне с Богом спорить не приходится!

Глуповцы
— Мы не про то говорим, чтоб тебе с Богом спорить! – Куда тебе, гунявому, на Бога лезти! – А ты вот что скажи: за чьи бесчинства мы, сироты, теперича помирать должны?

Фердыщенко кланяется и трясётся.

Глуповцы
— Мало ты нас гладом истязал! – Мало нас от твоей глупости смерть приняло! – Одумайся, старче! – Оставь свою дурость!

Фердыщенко становится на колени, кланяется земно и точит слёзы.

Фердыщенко
Простите меня, ради Христа, атаманы-молдцы! Оставлю я мою дурость на веки вечные!

Глуповцы
— Ну, ладно! – В остатний раз простим! – Только гляди: хлеба скоро не получим, конец тебе придёт! – Иди, опять пиши по начальству о хлебе и о пожаре.

Фердыщенко
Иду, иду, братики-сударики! И написать напишу, хоть и жду хлеба с часу на час, с минуты на минуту. Ох, миленькие вы мои, миленькие!

Идёт в дом, садится у окна писать; глуповцы у колокольни. Дождь прошёл, зарево пожара потухло; солнце.

Фердыщенко (*пишет*).

Сего 10-го августа от всех вообще глуповских граждан последовал против меня великий бунт. По случаю бывшего в слободе Негоднице великого пожара собрались ко

мне, бригадиру, на двор всякого звания люди и стали меня нудить и на колени становить, дабы я перед теми бездельными людьми прощение принёс. Я же без страха от сего уклонился. И теперь рассуждаю так: ежели таковому их бездельничеству потворство сделать да и вперёд потрафлять, то как бы оно не явилось повторительным и не гораздо к утишению способным. А посему убедительно вновь прошу: ежели ещё не выслана, то елико возможно быстрее направить воинскую команду для экзекуции. Всячески уповаю, что таковая команда давно уже послана. (*Присыпает письмо песком и запечатывает.*) Так-то, братики-сударики! Авось скоро дождётесь! Авось скоро по дороге заслушим: ту-ру! ту-ру!

Выходит на крыльцо и ласково подзывает глуповцев.

Фердыщенко (*на лице играет сомнительная улыбка*).

Ну вот, братики-сударики, по воле вашей и ещё раз написал, хоть и не к чему. Сами увидите – не сегодня-завтра хлеб прибудет. Миленькие вы, миленькие! Ну, чего вы, глупенькие, на меня рассердились! Ну, взял Бог, ну, и опять даст Бог! У него, у царя небесного, милостей много! Так-то, братики-сударики!

Вдали еле слышный звук военного рожка. Глуповцы встрепенулись.

Глуповцы
— Ребята, что там по дороге-то? – Никак обоз! – Дозорного на колокольню! – Братцы, хлеб идёт!

Общее ликование.

Фердыщенко (*ехидно улыбаясь*).

Хлеб, братики-сударики, хлеб! Сейчас всех досыта накормим! Сейчас все сыты будете!

Военный рожок ближе и ближе.

Вскоре показываются первые ряды военной команды, прибывшей в город Глупов для экзекуции.

Фердыщенко

Вот вам и хлеб, братики-сударики! (*Резко меняя тон*). По сторонам не зевать! Смотреть в оба! Теперь вы у меня шелепов изрядно вкусите.

Общее оцепенение.

ДЕЙСТВИЕ III.
КАРТИНА I
«ВОЙНА ЗА ПРОСВЕЩЕНИЕ»

Действующие лица:

Градоначальник Бородавкин. Помощник градоначальника. Стряпчий. Казначей. Смотритель народного училища. Городовой врач. Поп. Письмоводитель. Глуповцы. Федька. Старик. Оловянные солдатики. Инвалидные солдаты

На площади города Глупова воинское учение: градоначальник Бородавкин командует Оловянными солдатами чуть поменьше человеческого роста. Тут же второй отряд, инвалидные солдаты под командою Начальника инвалидной команды. Инвалиды ковыляют. Лица Оловянных солдатиков разрисованы грубо, усы торчком, на щеках пятна-румянцы; маршируют как заводные. Военные сигналы, трубы и барабаны. Деревянные пушки. Градоначальник Бородавкин командует, выпучив глаза, махая шашкой и криком кричит. Глуповцы жмутся у колокольни, синклит чиновников у крыльца градоначальникова дома. Глуповцы обтрёпанные, изголодавшиеся, хмурые.

Градоначальник Бородавкин
 Трубы, трубы! Барабаны, бей!
Глуповцы

— Градоначальник-то всё маневрирует! – Ишь, надрывается! – А солдатики-то как маршируют! – В трубы трубят, в барабаны бьют, носками играют, пыль столбом поднимают. – Гляди-ко, оловянные-то! – А что ж, что оловянные! Это для лёгкости. – Провианту не просит, а маршировку и он исполнять может. – Братцы, а для чего все эти парады градоначальник задумал? – Пёс его разберёт, воевать видно собрался. – Да с кем? – А кто его знает! Хорошо, коли не с нами. – А хоть бы с нами, что с нас взять? И без того уж измором взял нас всякими своими законами да истощным криком. – Ишь, маневрирует!

Разговор в группе чиновников.

Помощник градоначальника
 Деятельный у нас градоначальник их высококородие Василиск Семёныч Бородавкин!

Поп

Голос-то, голос – труба иерихонская!

Городовой врач

Да, кричит во всякое время и кричит необыкновенно.

Смотритель народного училища
 Столько вмещает он в себе этого крику, что от оною многие глуповцы и за себя и за детей навсегда испугались.

Помощник градоначальника
 Пустяки говорите! Какая же деятельность без крика. А деятелен на славу. Днём мелькает по городу, наблюдая, чтобы обыватели имели бодрый и весёлый вид, ночью тушит пожары, делает фальшивые тревоги и вообще застаёт врасплох.

Городовой врач

Даже спит только одним глазом. Супруга его жаловалась мне: «Двадцать пять лет с ним живу, – говорит, – а всё не могу без содрогания видеть ночью как один глаз у него закрыт, а другое недремлющее совершенно круглое око любопытно устремлено на меня». Феномен любопытный.

Стряпчий

Что и говорить, неутомим! Вот и учения эти – прямо без отдыха и срока.

Казначей
 Интересно бы знать, к чему это дело клонится?

Помощник градоначальника
 К чему, к чему! Дело понятное, либо внешняя война, либо поход внутренний.

Стряпчий

А для чего сегодня нас созвал, неизвестно.

Письмоводитель

Неизвестно. Велел созвать, а на какой предмет, не объяснил.

Градоначальник Бородавкин
 (оловянным солдатам).

Вольно! Оправиться! Спасибо за службу, скоро пригодится.

Оловянные солдатики застывают в мёртвой неподвижности в глубине сцены; инвалиды, крихтя, закуривают трубки. Бородавкин подходит к группе чиновников. Тихо говорить он не умеет; всё время выпуча глаза криком кричит, особенно выкрикивая некоторые ничем не примечательные слова. В таких случаях чиновники вытягиваются во фронт и держат руки по

Pro memoria

швам, а глуповцы испуганно сдёргивают шапки и крестятся.

Градоначальник Бородавкин

Ну что, господа чиновники, каковы войска! Какова артиллерия! С такими молодцами всякого врага одолеть можно. И одолеем! Стоит только крикнуть клич. Давно с Византией покончить бы надо! Сперва с Византией покончим-с, а потом-с...

«На Драву, Мораву, на дальнюю Саву,
На тихий и синий Дунай...»

Чи, бишь, это стишки, господин Смотритель народного училища?

Смотритель народного училища

Осмелюсь доложиться вашему высокоородию: стихи эти, чайтельно, господина Хомякова... Да только они ещё лет через семьдесят написаны будут.

Градоначальник Бородавкин

Эка важность! Были бы к слову, не в сроке дело. Да-с, на тихий и синий Дунай... Вот, сударь мой, сколь далеко я виды свои простираю! Проект мною уже написан «О вящем армии и флотов по всему земли лицу распространении, дабы через то возвращение древней Византии под сень российские державы уповательным учинить». Каждый день прибавляю к нему по одной строчке, чего ради через десять лет составилась объёмистая тетрадь в три тысячи шестьсот пятьдесят две строки...

Смотритель народного училища

Осмелюсь спросить ваше высокородие: в году триста шестьдесят пять дней, следственно в десяти годах – три тысячи шестьсот пятьдесят. Откуда же взялись ещё две строки?

По п

А о двух високосных годах забыл. Вот и видно, что фармазон.

Градоначальник Бородавкин

Проект пространный. Вот и сегодня составила резолюцию на имя отечественных географов на случай предстоящего взятия Византии. (Письмоводителю). Прочти-ка, братец, что я тебе продиктовал.

Письмоводитель (читает).

«Предоставляется вашему благородию на будущее время известную вам Византию во всех учебниках географии числить тако:

Константинополь, бывшая Византия, а ныне губернский город Екатеринодар, стоит при излиянии Чёрного моря в древнюю Пропонтиду и под сень российской державы приобретён в тысяча семьсот (для двух остальных цифр пробыл оставлен) таком-то году с распространением на оный единства касс. Единство сие в том состоит, что византийские деньги в столичном городе Санкт-Петербурге употребление себе находить должны. По обширности своей город сей в административном отношении находится в ведении четырёх градоначальников, кои состоят между собой в непрерывном пререкании. Производит торговлю грецкими орехами и имеет один мыловаренный и два кожевенных завода».

Градоначальник Бородавкин

Ну, как находите?

Общий гул похвал.

Градоначальник Бородавкин (вздыхает).

Да-с, всё готово (и проект и резолюция), только кликни клич и –

«На Драву, Мораву, на дальнюю Саву,
На тихий и синий Дунай»...

А клича-то всё нет... Руки у меня связаны, а то бы я показал, где раки зимуют. Что ж, подождём. А посему созвал я вас для обсуждения дел внутренних. Раз для политических предприятий время ещё не наступило, значит, следует ограничить задачи насущными потребностями края. Теперь вопрос: каковы же эти насущные потребности?

Стряпчий

Издание новых законов.

Казначей

Усиленное собрание недоимок.

По п

Укрепление веры.

Городовой врач

Нечрезмерное вкушение пищи.

Помощник градоначальника

Трепет перед полицией.

Смотритель народного училища

Одним словом: цивилизация.

Градоначальник Бородавкин

Согласен: цивилизация! Но что есть цивилизация? Не есть ли она наука о том, koliko

каждому российской империи доблестному сыну отечества быть твёрдым в бедствиях надлежит? Вот и хочу я прежде всего подвергнуть строгому рассмотрению намерения и деяния моих предшественников. Что по сему пункту в архивах значится? Что сделали цивилизации ради градоначальники, до меня в Глупове бывшие?

Письмоводитель (роется в бумагах).

Значится в архивных записях градоначальник Брудастый; о нём сказано, что имел в голове машинку, две мелодии игравшую: «Не потерплю!» и «Разорю!»

Градоначальник Бородавкин

Слышал об этом. «Не потерплю» и «Разорю» – это так, слова нет; это, конечно, средства цивилизующие. Одна беда: ради чего «Разорю»? Ради чего «Не потерплю», того разобрать невозможно.

Письмоводитель (продолжая рыться).

Значится далее в записях градоначальник Фердыщенко; город спалил, военную команду вызывал, голодный бунт усмирил.

Градоначальник Бородавкин

И об этом наслышан, но тоже в образец поставить себе не могу. Я и сам спалю, я и сам усмирю, но желаю при этом видеть осязательные плоды цивилизации.

Письмоводитель (продолжая рыться).

Ещё значится в архивных записях градоначальник статский советник Двоекуров: ввёл в употребление среди глуповцев горчицу и лавровый лист.

Градоначальник Бородавкин (вскакивая в волнении).

Вот это истинный администратор! Вот это истинная цивилизация! Ввёл в употребление горчицу! И что же? Много ли времени прошло, а мы что видим? Где горчица? Где лавровый лист? В употреблении? Нет, в забвении! В упущении! Никто в Глупове не употребляет, никто не сеет и не возделывает!.. А посему полагаю вновь ввести в употребление горчицу, в наказание же забвения прибавить прованское масло и возделывание ромашки. Как полагаете об этом, господа чиновники? И особенно вы, господин Стряпчий. Нет ли о сём чего либо несогласного в законе?

Стряпчий (пожимая плечами).

В законе? А что есть закон? Ежели чувствуешь, что закон полагает тебе препятствие, то сняв оный со стола, положи под себя. И тогда всё сие, сделавшись невидимым, много тебя в действии облегчит.

Одобрительный гул среди чиновников.

Градоначальник Бородавкин

И я так же полагаю. Значит, возражений нет. В таком разе решение о горчице и ромашке записать в протокол, а ко мне позвать Излюбленных людей глуповцев для вразумления. Ежели добром не согласятся, буду до последнего конца вести войну за просвещение!

Казначей

Вот для чего и войска понадобились.

Помощник градоначальника

Вот для чего и маневры производились!

Подходят глуповцы с Излюбленными людьми впереди; чиновники расходятся. Градоначальник Бородавкин кричит криком на глуповцев, по-прежнему подчёркивая особливим криком совсем непримечательные слова, в таких случаях глуповцы вздрагивают и крестятся.

Градоначальник Бородавкин

Сказывайте: приказано ли было вам употреблять в пищу горчицу и лавровый лист? (Глуповцы мнутя и молчат). Чего молчите? Сказывайте: приказано было это вам?

Глуповцы

Было такое дело.

Градоначальник Бородавкин

То-то «было»! Сказывайте: как ввели горчицу в употребление?

Глуповцы (мнутя).

А так и ввели. Много у нас всякого шума было! И через солдат секли, и запросто секли. Ни одного места на теле нашем не было, которое не было бы высечено. Многие даже в Сибирь через это самое дело ушли.

Градоначальник Бородавкин (грозно).

Стало быть, и бунты были?

Глуповцы

Мало ли было бунтов!

Градоначальник Бородавкин (грозно).

И пороли вас за это?

Г л у п о в ц ы (мрачно).

Мало ли нас пороли!

Г р а д о н а ч а л ь н и к Б о р о д а в к и н

Ну так слушать мою резолюцию. Употребление горчицы и лаврового листа немедленно возобновить! Капусту с огородов долой, перепахать под горчицу! А за то, что самовольно осмелились прекратить предписанное начальством употребление в пищу оных цивилизующих злаков, за это предписываю употреблять сверх сего в пищу ещё и прованское масло. Кроме того засеять огороды ромашкой, потребной для выведения клопов. Картошку долой, и перепахать под ромашку!

Г л у п о в ц ы (ропот).

— Ловок больно! – Ах, клопы ты заешь! – Станем мы экую дрянь опять есть! – Станем есть горчицу – на будущее время ещё какую ни на есть мерзость есть заставят. – А не станешь есть, как бы, братцы, опять шелепов не пришлось отведать! – Да уж лучше шелепа, нежели экая дрянь! – Что есть горчица? Горчица есть былие, выросшие из тела девки-блудницы, прозванной за своё распутство «горькою», оттого и пошла в мир горчица. – И такую дрянь есть! – Ловок больно! – Ещё и ромашку есть заставит! – Нет на это нашего согласия! – Сам ешь, коли охота! – Мать твою есть заставь!

Глуповец Федька в задних рядах запекает, кое-кто подхватывает.

Бородавкина мать

Собралась горчицу жрать,

Да сожрать не сожрала,

Только время провела!

Хохот.

Г р а д о н а ч а л ь н и к Б о р о д а в к и н (вскакивает).

Молчать! Ммерррзавцы! Подлецы, каналы! Это кто посмел родительницы моей коснуться? Я ещё доберусь до него! Вы бунтовать! Я эту энергию сломлю! Я эту строптивость истреблю! Иду на вы! Вот я вас! Трубы, труби! Барабаны, бей!

Трубы и барабаны. Войска выстраиваются. Оловянные солдатики маршируют, инвалиды ковыляют. Глуповцы падают на колени. Бородавкин во главе войск с пушечным и ружейным снарядами проделяет эволюции и

окружает Глуповцев войсками с трёх сторон. Деревянные пушки наставлены на толпу.

Г л у п о в ц ы (на коленях).

— А мы-то мерекали, с кем он воевать собрался! – Выходит, что с нами! – Думали, будет турку покорять, а выходит, что замыслил покорить нас самих. – Братцы, беда! – Атаманы-молодцы, не сдавайся! – Нет нашего согласия на горчицу! – Нет нашего согласия на ромашку! – Век на коленях простоим, а горчицы и ромашки не примем! – Притаимся по домам, пусть делает, что хочет!

Г р а д о н а ч а л ь н и к Б о р о д а в к и н

Вот вам моя резолюция: дотоле не положу оружия, доколе в городе останется хоть один недоумевающий. Отвечайте: принимаете ли горчицу и ромашку?

Г л у п о в ц ы (на коленях).

— Что хошь с нами делай, хошь – на куски режь, хошь – с кашей ешь, а мы не согласны. – С нас, брат, не что возьмёшь! Мы не то, что прочие, которые телом обросли! Нас, брат, и уколупнуть негде! – Развяжи ты нас, сделай милость! – Укажи нам конец!

Г р а д о н а ч а л ь н и к Б о р о д а в к и н

Цыц, буяны!

Г л у п о в ц ы

— Какие мы буяны! – Знать, не видывал ты, какие буяны бывают! – Сделай милость, развяжи!

Г р а д о н а ч а л ь н и к Б о р о д а в к и н

Вольный дух завели! Разжирели! На французов поглядываете! Вот я вас! Ну, в последний раз испробую словесное убеждение. Слушать! (По обычаю криком кричит, особенно выкрикивая отдельные слова). Понимаете ли вы, щучьи дети, что есть подспорье? (Глуповцы вздрагивают и крестятся). Подспорье есть вещь, подсобная в хозяйстве. Есть подспорья вообще (глуповцы крестятся), есть подспорья в частности (глуповцы крестятся). Одними из таковых являются и горчица и ромашка (поперхнулся от крика).

Г л у п о в ц ы (между собой).

— Как тут не испугаться? – Человек роста невеликого, из себя не дородный, слов не говорит, а только криком кричит, а о чём кричит, того понять невозможно.

Градоначальник Бородавкин
(продолжает).

Взять, например, ромашку. Известно (глуповцы крестятся) какое опустошение производят клопы, блохи и прочие бродячие твари. Наконец нашли (глуповцы крестятся), как с ними бороться. Предприимчивые люди изобрели... (Надорвался от крика и дальше кричит уже нечто нечленораздельное).

Глуповцы в смятении.

Градоначальник Бородавкин
(неожиданно тихо). Поняли, старички?

Глуповцы, обеспамятев от страха, низко кланяются и безмолвствуют.

Градоначальник Бородавкин

Что я... на смерть, что ли, вас веду... ммерр-рзавцы! (Орёт диким голосом). Разорю!

Глуповцы вскакивают с колен и в ужасе пырсают направо и налево, кто куда, не остаётся ни одной живой души, на сцене только Бородавкин и его войска.

Градоначальник Бородавкин

Стой! Стой! Куда? Канальи! Подлецы! Ну ладно же! Добром вас не возьмёшь, значит надо пустить в ход настоящую цивилизацию. Объявляю поход на злокозненных оных обывателей. Артиллерея, вперёд! Пехота, левым плечом вперёд заходи! Трубы, трубы! Барабаны, бей! Подать мне коня!

Садится на белую деревянную лошадку и становится во главе войск; военный марш. Впереди маршируют Оловянные солдатики, за ними ковыляют инвалиды. Сцена некоторое время остаётся после ухода войск пустою. Темнеет. Затем из разных углов и щелей выползают Глуповцы и испуганно между собою перешёптываются. Трубы и барабаны звучат в отдалении. Слышен грохот, где-то мост под артиллерией провалился.

Г л у п о в ц ы

— Что же это такое? – Слава те, Господи! кажется, забыл про горчицу, опять маневрировать начал! – Как бы ни так! – Держи карман шире! – Для того и маневрирует, чтобы нас погубить! – Что же это, братцы, он делать задумал? – Не иначе, как всех нас в раззор раззорить! – Погибли наши головушки! – А может, он это только игру играет? – Ужли,

братцы, всамделе такая игра есть? – Хороша игра, огороды вытаптывать! – Как же теперь быть-то? – Притаиться по домам – и ни гу-гу! – Спрятаться по всем щелям, и не дышать! – Атаманы-молодцы, хоронись: сейчас здесь будет!

Рассыпаются по всем углам; сцена мгновенно пустеет. Не успевает улепетнуть лишь один древний старец, которого и схватывают первые ряды возвращающихся войск. Наступила ночь.

Градоначальник Бородавкин
(распалён гневом до невероятности).

Где же они, канальи, подлецы, подевались? Хоть бы одна душа во всём городе! Из-за них, подлецов, артиллерию погубил, с мостом в реку провалилась. Сколько лет копил, берёг, холил! Что я теперь делать буду? Как без пушек буду править? А это что за человек?

И н в а л и д ы

Ваше высокородие, языка поймали!

Градоначальник Бородавкин

А, языка! Подать его сюда! (Древнего старца подводят). Говори, курицын сын, где жители.

С т а р и к (шамкает).

Сейчас тут были.

Градоначальник Бородавкин

Как сейчас? Куда же они бежали?

С т а р и к

Куда бежать. Зачем от своих домов бежать. Чай, здесь где-нибудь от тебя схоронились.

Градоначальник Бородавкин
(роет ногами землю от нетерпения).

Надо было без предупреждения поход объявить! Тогда бы они от меня не спрятались. (Неистовым голосом.) Эй! Кто тут? Выходи! (Город безмолвствует, словно вымер, но откуда-то начинают доноситься вздохи). Где они, бестии, вздыхают? (Неистовствует). Сыскать первую бестию, которая тут вздыхает, и привести ко мне!

Бросаются всюду искать, но как ни шарят, а никого не находят, Бородавкин мечется, заглядывая во все щели.

И н в а л и д ы (шамкают).

Ваше высокородие, не никого!

Градоначальник Бородавкин
(озадачен).

Pro memoria

Несообразно!.. Как же теперь быть-то? Ежели я теперича их огнём разорю... Нет, лучше голодом поморю!

Вдруг останавливается как поражённый перед Оловянными солдатами. С ними происходит что-то совсем необыкновенное.

Градоначальник Бородавкин (изумлённый).

Это что же такое с моими Оловянными солдатами? Глаза стали хлопать... усы торчком стали шевелиться... губы шевелятся... ноздри раздуваются... Всё свидетельствует о нетерпении. Что скажете, служивые?

Оловянные солдатики (невнятно и мрачно).

Избы... избы... ломать!

Градоначальник Бородавкин (в восторге).

Верно! Вот средство и отыскано! Теперь-то они у меня сразу объявятся! Начинать с крайней избы! Ломай!

Оловянные солдатики и инвалиды бросаются на приступ первой избы. Вниз с крыши летят вязки соломы, жерди, деревянные спицы. Взвиваются вверх целые облака пыли.

Градоначальник Бородавкин (заслышав около себя какой-то стон).

Тише! Тише!

Солдаты останавливаются. Стонет весь город. Неясный, но сплошной гул, в котором нельзя различить ни одного отдельного звука, но который всей своей массой представляет едва сдерживаемую боль сердца.

Градоначальник Бородавкин (во всю мочь).

Кто тут? Выходи! (Стон смолк, но никто не выходит). А! Вы чае, что новое сие изобретение одно мечтание составляет! Недолго вам в сей сладкой надежде себя утешать! (Солдатам, твёрдо). Катай!

Снова треск и грохот; брёвна одно за другим отделяются от сруба, и по мере того, как они падают на землю, стон возобновляется и возрастает.

Вдруг откуда-то из всех углов и щелей выползают глуповцы, старые и малые, и, воздев руки, падают среди площади на колени.

Градоначальник Бородавкин

Ага! Покорились! Ну что же, принимаете ли горчицу и ромашку?

Глуповцы безмолвно кланяются до земли.

Градоначальник Бородавкин (закрипая).

Принимаете ли, спрашиваю я вас?

Глуповцы (тихо гудят).

Принимаем, принимаем!

Градоначальник Бородавкин

Хорошо. Теперь сказывайте мне, кто промеж вас память любезнейшей моей родительницы в стихах оскорбил?

Глуповцы мнутя, но после минутного колебания решаются исполнить и это требование.

Глуповцы (голоса в толпе).

Выходи Федька! Небось! Выходи!

Из задних рядов Глуповцев выходит вперёд белокурый малый и становится перед градоначальником. Губы его подёргиваются, словно хотят сложиться в улыбку, но лицо бледно и губы трясутся.

Градоначальник Бородавкин (немного отступя, словно желая осмотреть виноватого во всех подробностях).

Так это ты? (Хохочет). Так это ты? (Слегка поправляет ему челюсть). Слушай! Так как ты память любезнейшей моей родительницы обесславил, то ты же впредь каждый день должен сию драгоценную мне память в стихах прославлять и стихи те ко мне приносить! Пошёл вон! (Войскам). Поход кончился! Дать отбой! Спасибо, ребята, за службу!

Военный марш. Около градоначальникова дома понемногу собираются чиновники.

Градоначальник Бородавкин

Господа чиновники, поздравляю. Невежество подавлено и на его место водворено просвещение. Горчица и ромашка утверждены. (Письмоводителю). Пиши немедленно реляцию высшему начальству. (Письмоводитель строчит.) «Сего 17-го сентября после трудного, но славного похода совершилось всерадостнейшее и вожделеннейшее событие. Горчица и ромашка утверждены повсеместно и навсегда, причём не было произведено в расход ни единой капли крови». (Чиновникам и войскам). Цивилизация водворена, война за просвещение закончена. Трубы, труби! Барабаны, бей! Ура!

Трубы и барабаны. «Ура» жидко подхватывают чиновники и инвалиды дребезжащими голосами. Оловянные солдатики открывают и закрывают рты. Глуповцы стоят на коленях, понуриив головы.

КАРТИНА II. «ЭПОХА УВОЛЬНЕНИЯ ОТ ВОЙН»

Действующие лица:

Градоначальник полковник Прыщ. Помощник градоначальника. Стряпчий. Казначей. Начальник инвалидной команды. Смотритель народного училища. Городовой врач. Предводитель дворянства. Письмоводитель. Глуповцы.

Глуповцы сытые, разжиревшие, весёлые, сидят и ходят в глубине сцены группами, щёлкают семечки, играют на гармошке и с любопытством поглядывают на пиршественный стол, поставленный около полицейской будки. На столе ведёрный самовар, огромные бутылки и обильные яства; за столом градоначальник полковник Прыщ, Помощник градоначальника, Стряпчий, Казначей, Смотритель народного училища, Городовой врач, Начальник инвалидной команды, Предводитель дворянства, Письмоводитель.

Предводитель дворянства сидит рядом с Градоначальником, ёрзает на месте, сладостно нюхает воздух, облизывается и плотоядно смотрит на градоначальника Прыща. Пир в разгаре.

Градоначальник полковник Прыщ (совершенно лысый с седыми усам румяный и бодрый старик, чокается с соседями; Стряпчему.) Я человек простой-с и не для того сюда приехал, чтоб издавать законы-с. Моя обязанность наблюсти, чтобы законы были в целости и не валялись по столам-с. Конечно, и у меня был план кампании, но этот план был таков: отдохнуть-с!

Стряпчий

План пречудесный!

Чокаются и пьют.

Глуповцы (гуторят меж собой).

— Пчела в этом году, братцы, уж так роится, так роится! – Мёду, воску сколько набрали! – Да, благодать господня! – И, поди ж ты, скотских

падежей нет, а кож накопилось множество. – В лаптях-то нам ловчее, а кожи на продажу пошли. – Денег-то теперь у нас невпроворот! – И скажи на милость, отчего при этом градоначальнике полковнике Прыще пошла у нас такая вольготная жизнь? – Чудно! – Не понять!

Предводитель дворянства (облизываясь и нюхая воздух, Письмоводителю).

Пахнет от него! Трюфлями пахнет! Голову на отсечение готов отдать!..

Письмоводитель (качая головой).

Уж вы скажете!

Предводитель дворянства

И скажу! И повторю! И голову на отсечение дам! Таится в этом градоначальнике нечто не совсем обыкновенное! Пахнет от него трюфлями, и всё тут! (Ещё раз с вожделением внюхивается и ожесточённо пьёт водку, ничем не закусывая).

Градоначальник полковник Прыщ (Помощнику градоначальника, чокаясь).

План моей кампании был простой-с. Как приехал я в Глупов, созвал именитых старичков. Ну, старички, – сказал я, – давайте жить мирно. Не трогайте вы меня, а я вас не трону. Сажайте и сейте, ешьте и пейте, заводите фабрики и заводы – что же-с! – всё это вам же на пользу-с! По мне, даже монументы воздвигайте, я и в этом препятствовать не стану! Только с огнём, ради Христа, осторожнее обращайтесь, потому что тут не долго и до греха. Имущества свои поपालите, сами погорите! Что хорошего! (Обращаясь к глуповцам). Верно я говорю, старички?

Глуповцы

— Верно, твоё высокородие! – Дай тебе Бог! – При тебе свет узрили! – Ничем ты нас не допекал! – И законов новых не издавал! – Новых законов и впредь издавать не будешь?

Градоначальник полковник Прыщ

И законов не буду издавать, живите с Богом!

Глуповцы

— То-то! уж ты сделай милость не издавай! – Смотри, как за это до тебя одному прохвосту досталось! – Коли ты за то же примешься, как бы и тебе и нам в ответ не попасть!

Градоначальник полковник Прыщ

Бывые градоначальники больше на бумаге сулили, что обыватели при них якобы благополучно в домах своих почитать будут, а я на практике это самое предоставляю... да-с!

Предводитель дворянства
(Письмоводителю).

Долгое время думал я, что это у меня мечта воспалённого воображения, но нет, шалишь! Однажды застал я его спящим на диване, причём тело его было кругом обставлено мышеловками. Это к чему? Это разве проста?

Письмоводитель

А может, они мышей боятся?

Предводитель дворянства

Это, брат, верно! Но ведь тогда и всякий паштет скажет тебе, что мышей боится! (Ожесточённо хлопает рюмку водки).

Глуповцы (калякают между собой).

— Впервые, братцы, хлеба вволю поели! – Нынче навоз производить стало всякому вольно, оттого и хлеба родилось вволю. – Хватило и на продажу, и на своё пропитание! – Что и говорить, благодать! – И отчего это, братцы, при нынешнем градоначальнике полковнике Прыще пошла у нас такая льготная жизнь? – Чудно! – Не понять!

Градоначальник полковник Прыщ
(Казначей).

Состояние у меня, благодарение Богу, изрядное. Командовал-с, стало быть не растратил, а умножил-с. Следственно, какие есть насчёт этого законы, те знаю, а новых издавать не желаю. Конечно, многие на моём месте понесли бы в атаку, а может быть, даже устроили бы бомбардировку, но я человек простой и утешения для себя в атаках не вижу-с! При других градоначальниках были у вас войны и кровопролития-с, а я создал-с эпоху увольнения от войн.

Казначей

И слава Богу!

(Чокаются и пьют).

Предводитель дворянства (всё больше и больше возбуждаясь, Письмоводителю).

А это как понять, для чего градоначальник каждую ночь уходит спать на ледник?

Письмоводитель

А может, они жары боятся?

Предводитель дворянства

И это, брат, верно! Но ведь тогда и всякий паштет скажет тебе, что жары боится! (Ожесточённо хлопает рюмку за рюмкой).

Градоначальник полковник Прыщ
(Смотрителю народного училища, чокаясь).

Я не либерал и либералом никогда не был-с. Действую всегда прямо и потому даже от законов держусь в отдалении. В затруднительных случаях приказываю поискать, но требую одного, чтоб закон был старый. Новых законов не люблю-с. Многие в них пропускается, а о прочем и совсем не упоминается. Так я всегда говорил, так отозвался и тогда, когда отправлялся сюда. От новых, говорю, законов увольте, прочее же надеюсь исполнить в точности!

Смотритель народного училища

Чего же лучше!

Чокаются и пьют.

Глуповцы

— Не успели мы и оглянуться, как всего у нас очутилось против прежнего вдвое и втрое, и вчетверо! – А прежде бывало, весь хлеб у тебя отнимут, за налоги отберут, а ты сиди голый! – Нынче не то, что хозяин, а и всякий батрак ест хлеб настоящий. – Не в редкость и щи с приварком! – Отчего же при этом градоначальнике полковнике Прыще пошла у нас такая льготная жизнь? – Чудно! – Не понять!

Предводитель дворянства (приходя в раж, Письмоводителю).

Пахнет от него трюфлями! Пахнет! у меня, брат, обоняние изощрено, могу безошибочно угадать составные части самого сложного фарша! Пахнет трюфлями! Точно вот в колбасной лавке!

Письмоводитель

А может, они трюфельной помадой голову себе мажут-с?

Предводитель дворянства
(возмущённо).

Ну, это брат, дудки! После этого каждый поросёнок будет тебе в глаза лгать, что он не поросёнок, а только поросычьими духами прыскается!

Вскакивает в исступлении с места, подбега-ет сзади к градоначальнику Прыщу и, припав к

его голове, начинает нюхать и лизать её, в забвении чувств кричит.

Предводитель дворянства
Уксусу и горчицы!
Всеобщее движение.

Градоначальник полковник Прыщ
(сквозь зубы).

Угадал, каналья! (Спохватившись, с приторной непринуждённостью.) Кажется, наш достойнейший Предводитель дворянства принял мою голову за фаршированную... ха-ха!

Предводитель дворянства приходит в себя, садится на место и пьёт водку; чиновники так нагрузились, что только оцепенело хлопают глазами, стараясь понять, что здесь произошло. Глуповцы разинули рты.

Предводитель дворянства
(Градоначальнику).

Прошу ваше высочорodie извинить меня. Выпил лишнее. Померещилось Бог знает что.

Градоначальник полковник Прыщ
(слегка дрожащим голосом).

Ничего, всякое бывает. Так вот, о чём, бишь, я говорил... (Старается поддержать разговор; Начальнику инвалидной команды, чокаясь). Про себя могу оказать одно: в сражениях не бывал-с, но в парадах закалён даже сверх пропорции. Новых идей не понимаю. Не понимаю даже того, зачем их следует понимать-с.

Начальник инвалидной команды
И н-н-надо!

Чокаются и пьют; рука градоначальника Прыща дрожит. Предводитель дворянства в величайшем возбуждении снова вскакивает с места и хватает со стола нож.

Предводитель дворянства

Нет-с, тут не померещилось! Тут не поросычьи духи! Тут не трюфельная помада! Теперь уж я знаю наверное: трюфельный паштет-с! Настоящий паштет! Голова фарширована! (Бросается на градоначальника.) Душка! Милка! Кусочек! Только кусочек! (Вьётся, юлит и кружится около градоначальника Прыща.)

Градоначальник полковник Прыщ
(дрогнув и слабо отбиваясь.)

Да вы, милостивый государь мой, с ума сошли! Да я велю вас...

Предводитель дворянства (стонет от гастрономического вожделения).

Душка! Милка! Ну чего тебе стоит! Кусочек! Ну только кусочек! Всё равно не отстану!

Короткая борьба при всеобщем оцепенении. Градоначальник Прыщ верещит в предсмертной тоске. Предводитель дворянства с неслыханным остервенением бросается на свою жертву, поливает голову уксусом, отрезает ножом ломоть головы и проглатывает, ещё отрезает и ещё проглатывает, продолжая поливать голову уксусом.

Тогда Градоначальник вдруг вскакивает и начинает обтирать лапками те места, которые полил уксусом Предводитель дворянства. Потом кружится на одном месте и вдруг всем корпусом грохается на землю. Отрезвевшие от испуга чиновники бросаются на Предводителя дворянства и оттаскивают его в сторону.

Глуповцы стоят живой картиной, разинув рты. Молчание.

Помощник градоначальника
Что же это такое?

Стряпчий (с трудом ворочая языком).
Неожиданное усекновение головы!

Городовой врач (нагнувшись над телом градоначальника).

И подлинно, голова его высочородия была нафарширована.

Молчание.

Смотритель народного училища

Вот и разъяснение всего. Благодаря именно этому обстоятельству город Глупов был доведён до такого благосостояния, которому подобного не представляли летописи с самого его основания.

ДЕЙСТВИЕ IV.

«ПОКЛОНЕНИЕ МАМОНЕ И ПОКАЯНИЕ»

Действующие лица:

Градоначальник Эраст Грустилов. Пфейферша. Юродивые: Анисьюшка, Парамоша. Гости на балу у градоначальника. Предводительша. Учитель каллиграфии Линкин. Отставной солдат Карапузов. Слепая нищенка Маремьянушка. Глуповцы. Квартальные. Полицейские чины. Пожарная команда. Угрюм-Бурчеев, градоначальник.

Поздняя ночь. На просценуме, окружённом скамьями, заканчивается машкерадный бал,

продолжавшийся всю ночь у градоначальника Эраста Грустилова. Оркестр из трёх-четырёх человек пикирует полонезы и экосезы; уставшие пары заканчивают танцы. Маски, костюмы и поведение весьма вольные. На скамьях вокруг просцениума сидят остальные гости, старики и старухи, смотрят на танцы и судачат. У полицейской будки квартальный навтыяжку.

Звуки полонеза. В первой паре градоначальник Грустилов с женой Предводителя дворянства. Градоначальник Грустилов – чувствительный старик, говорит сладко, вздыхает, краснеет; сластолюбив, сентиментален и жесток.

Градоначальник Грустилов (продолжая разговор, весело шутит).

А ещё имею доложить вам, в скором времени ожидается такая выкройка дамских платьев, что можно будет через них по прямой линии видеть паркет, на коем стоит женщина.

Предводительша (кокетничает).

Не вы ли будете закройщиком?

Градоначальник Грустилов

О, если бы такое платье мне позволено было кроить для вас, то охотно стал бы я закройщиком. (Проходят).

Гости (на скамьях).

— Чаятельно, скоро и совсем без платьев ходить будут. – Бога забыли. Перуну да Яриле поклоняются. – Экое развращение! Экое развращение! – Истинное поклонение мамоне! – Кокотки появились и кокодесы! – Женщины устраивают сзади возвышения, имеющие преобразовательный смысл и возбуждающие в прохожих вольные мысли. – А где уважение к старшим? – А где бывшие доблести? – Какие же доблести были у нас в былом? – Ну, всё-таки!

Другая группа

— А с кого началось? – При градоначальнике Бородавкине царила ещё любезная патриархальность. – Да и Негодяев, бывший гатчинский истопник, в суровости народ держал. – Чего уж суровее: сущим злонравием обладал! – Не скажите, уже и тогда пошли пагубные эти конституции. – Да в чём же? – Квартальные надзиратели настолько усовершенствовались свои манеры, что не всякого прохожего хватили за

воротник. – Вот разве что! – Что ж, это единственная конституция, возможная при младенческом состоянии общества.

Градоначальник Грустилов (снова проходя в паре, Предводительнице).

Да и сам я надеюсь когда-нибудь найти отдохновение в стенах монастыря.

Предводительша (лукаво улыбаясь).

Конечно, женского.

Градоначальник Грустилов (галантерейно).

Если вы изволите быть в нём настоятельницей, то я хоть сейчас готов дать обет послушания. (Проходят).

Гости (третья группа).

— Началось оное развращение нравов при градоначальнике черкешени Микаладзе. – Да, любил амуры для амуров. – И был ценителем женских атуров. – Много было от него порчи жёнам и девкам глуповским. – Зато и умер от истощения сил.

Четвёртая группа

— Градоначальник Беневоленский, вот это был законодатель. – Помните закон: «Всякий человек да опасно ходит, откупщик же да принесёт дары». – Ещё бы! – А «Устав о печении пирогов»! Глубокого ума был человек! «Всякий да печёт по праздникам пироги, не возбраняя себе такое печение и в будни». – Или: «Делать пироги из грязи, глины и строительных материалов навсегда возбраняется». – Да, были, были у нас законодатели! – Жаль, вступил в секретные сношения с Наполеоном, и яко изменник проследовал в тот край, куда Макар телят не гонял. – А зато уж градоначальник статский советник Иванов не мог вмещать пространных законов, будучи весьма малого роста. – Да и умер от испуга, получив слишком обширный сенатский указ, понять который не надеялся.

Градоначальник Грустилов (снова проходя в паре, Предводительше).

Но ежели вы Венера, то хотел бы я быть Сатурном, останавливающим свой бег в объятиях Венеры.

Предводительша (лукаво).

Но разве Сатурн ещё в силах?

Градоначальник Грустилов

Сатурн хотя и обременён годами и имеет согбенный вид, но ещё может некоторое совершить. И ежели Венера, приметив сию в нём особенность, остановит на нём благосклонный свой взгляд... *(Проходят). Светает. Пары мало-помалу расходятся; музыка прекращается. Гости встают со скамей и постепенно уходят, перед уходом общий разговор.*

Г о с т и

— Новость слышали? – Какую? – Градоначальника нашего Эраста Андреича Грустилова смещают. – Да что вы? – За что же? – Слышно, за лёгкость нравов. – Да верно ли? – Положительные сведения имею. Жандармский полковник конфиденциально сообщал, со дня на день ждёт нового градоначальника Угрюм-Бурчеева. – Кто же он такой? – Бывый прохвост.

Оживлённо судача, постепенно расходятся. Сцена пустеет. В глубине остаётся, притаившись, одна женская Маска. Усталый градоначальник Грустилов усаживается отдохнуть в полицейскую будку; квартальный продолжает стоять около нее навытяжку. Совсем рассвело.

Г р а д о н а ч а л ь н и к Г р у с т и л о в

Ну что, брат, всё стоишь?

К в а р т а л ь н ы й

Так точно, ваше высококорodie.

Г р а д о н а ч а л ь н и к Г р у с т и л о в
(томно).

А видал... девочек-то... девочек-то сколько было!

К в а р т а л ь н ы й *(сочувственно).*

Весь синклит-с!

Г р а д о н а ч а л ь н и к Г р у с т и л о в

А часто у вас в полиции секут?

К в а р т а л ь н ы й

У нас, ваше высококорodie, эта мода оставлена-с. Со времени Онуфрия Иваныча господина Негодяева даже примеров не было. Всё лаской-с.

Г р а д о н а ч а л ь н и к Г р у с т и л о в
(краснея).

Ну-с, а я люблю сечь... девочек!..

Молчание.

Г р а д о н а ч а л ь н и к Г р у с т и л о в

Тетерева у вас водятся?

К в а р т а л ь н ы й

Точно так-с, ваше высококорodie!

Г р а д о н а ч а л ь н и к Г р у с т и л о в
(краснеет).

Я, знаешь, братец, люблю иногда... Хорошо иногда посмотреть, как они... как в природе ликованье этакое бывает...

К в а р т а л ь н ы й

На что лучше-с! Только осмелюсь доложить вашему высококорodie, у нас на этот счёт даже лучше зрелище видеть можно-с!

Г р а д о н а ч а л ь н и к Г р у с т и л о в

Гм... да?..

К в а р т а л ь н ы й

У нас, ваше высококорodie, при предместнике вашем кокотки завелись, так у них в народном театре как есть настоящий ток устроен-с. Каждый вечер собираются-с, свищут-с, ногами перебирают-с.

Г р а д о н а ч а л ь н и к Г р у с т и л о в
(сладо задумавшись).

Любопытно взглянуть!

Молчание.

Г р а д о н а ч а л ь н и к Г р у с т и л о в
(пробуждаясь от сладких мечтаний, начальственным голосом).

Дошли до меня слухи от официальных соглядатаев, что учитель каллиграфии Линкин сеет в народе вольномыслие. Оного учителя представить мне сегодня же, сделал в его доме обыск и выемку. *(Неожиданно орёт).* Живо!

К в а р т а л ь н ы й

Слушаю-с, ваше высококорodie!

Молодцевато делает оборот налево кругом и, отбивая шаги, уходит. Градоначальник Грустилов снова погружается в сладкую задумчивость. Маска медленно подходит к нему из глубины сцены и кладёт руку на его плечо.

М а с к а

Проснись, падший брат!

Г р а д о н а ч а л ь н и к Г р у с т и л о в

Я не сплю! Я лишь замечтался. Но кто ты? *(Хочет обнять её).* Могу показать тебе, что сон далёк от меня.

М а с к а

Прими руки! Не о теле, а о душе говорю я. Не тело, а душа спит... глубоко спит! Знаешь ли, в каком виде узрела я тебя в сию ночь в видении? Стоишь ты в тёмном и смрадном месте и привязан к столбу, а привязки сделаны из

змий, и на груди у тебя доска, на которой написано: сей есть ведомый покровитель нечестивых и агарян. И бесы, собравшись, радуются, а праведные стоят в отдалении и, взирая на тебя, льют слёзы. Ибо спит, глубоко спит твоя душа.

Градоначальник Грустилов
(изумившись).

Душа спит? Бесы радуются? Странные слова! Да кто ты? Уж не та ли?..

М а с к а

Нет, я не та, которую ты во мне подозреваешь, я не блаженная юродивая Анисьюшка, ибо недостойна облобызать даже прах её ног. Я просто такая же грешница, как и ты!

Снимает маску; градоначальник Грустилов отступает поражённый.

Градоначальник Грустилов

Видал я нечто подобное в вольном городе Гамбурге, но это было так давно!.. Прошлое как бы задёрнуто пеленою. Да, это именно те самые пепельные кудри... та самая матовая белизна лица... те самые голубые глаза... тот самый полный и трепещущий стан. Но как всё это преобразилось в новой обстановке! (*Дрыгает ногой*). Как выступает вперёд интереснейшими своими сторонами! Но ещё более поразило меня, что ты с такою прозорливостью угадала моё предположение об Анисьюшке... Кто же, кто же ты?

М а с к а

Я твоё внутреннее слово! Я послана объявить тебе свет Фавора, которого ты ищешь, сам того не зная! Но не спрашивай, кто меня послал, потому что я и сама объявить о сём не умею!

Градоначальник Грустилов
(встревоженный).

Но кто же ты, наконец?

М а с к а

Я та самая юродивая дева, которую ты видел с потухшим светильником в вольном городе Гамбурге! Долгое время находилась я в состоянии томления, долгое время безуспешно стремилась к свету, но князь тьмы слишком искусен, чтобы разом упустить из рук свою жертву! Однако там мой путь уже был начертан! Явился здешний аптекар Пфейфер и, вступив со мною

в брак, увлёк меня в Глупов; здесь я познакомилась с Анисьюшкой, и задача просветления обозначилась передо мной так ясно, что восторг овладел всем существом моим. Но если бы ты знал, как жестока была борьба!

Остонавливается как бы подавленная скорбными воспоминаниями, градоначальник Грустилов алчно простирает к ней руки.

П ф е й ф е р ш а

Прими руки! Не осязанием, но мыслью ты должен прикасаться ко мне, чтобы выслушать то, что я должна тебе открыть.

Градоначальник Грустилов (*робко*).

Но не лучше ли будет, ежели мы удалимся в место более уединённое?

П ф е й ф е р ш а

Что ж, уединимся!

Она идет вперёд, он следует за нею, подрагивая ляжкой, и оба входят в градоначальнический дом.

В это самое время из глубины сцены появляются медленно бредущие Анисьюшка и Парамоша, юродивые. Оба грязные, в смрадных лохмотьях, полуобнажённые, усаживаются около полицейской будки. Если думают, что их кто-нибудь видит, то начинают что-то бормотать, выкрикивать бессвязные слова и в то же время вздрагивают, кривляются и корчатся словно в лихорадке.

П а р а м о ш а (*бормочет*).

Не надейтесь на князи, сыны человеческие! Горе вам, суетные, тщеславные, высокоумные, о пище телесной заботу имеющие, а пищей духовной небрегающие... (*Подталкивая локтем Анисьюшку, другим тоном*). А Пфейферша-то, аптекарша-то, самого обхаживает. Видала?

А н и с ь ю ш к а

Видала. Никшни. (*Причитает*). Нищим, нищим, сирым, убогим подавайте; нищие не о мамоне пекутся, а о том, как бы душу свою спасти... (*Толкает локтем Парамошу*.) Уже обошла, – видишь, выходят.

Начинают пуце бормотать, причитать и кривляться. На крыльце градоначальнического дома появляются градоначальник Грустилов и Пфейферша. Он расстроен и с заплаканными глазами.

Градоначальник Грустилов

Поистине, возлюбленная сестра моя, услышал я от тебя внутреннее слово! И вся мерзость поклонения мамоне восстала перед моими глазами. Дорогая сестра по духу, в первый раз сегодня я понял, что значат слова: «всладце уязви мя!» Воистину уязвлён и воистину сладко мне сие уязвление! Бодр дух мой, хоть и немощна плоть! Веди же меня к блаженным Анисьюшке и Парамоше, о которых поведала мне, дабы разрешили они узы мои и обновили дух мой.

Пфейферша (*подводит его к полицейской будке*).

Вот они! Приблизься и испроси благодати.

Градоначальник Грустилов подходит к юродивым, но от них идёт такой отвратительный запах, что он невольно отступает и зажимает нос рукой.

Градоначальник Грустилов (*конфузливо*).

Ох, ну и смрад же!

Анисьюшка (*заметив его движение, пронзительным голосом, нараспев*).

Духи царские, духи райские, не надо ли кому духов?

Делает при этом непристойное движение, градоначальник Грустилов отступает ещё на шаг, Пфейферша подталкивает его к Анисьюшке.

Пфейферша (*строго*).

Спит твоя душа... спит глубоко! А ещё так недавно ты хвалился своей бодростью!

Анисьюшка (*визжит*).

Спит душенька на подушечке... спит душенька на перинушке... а боженька тук-тук! Да по головке тук-тук! Да по темечку тук-тук!

Бросает в градоначальника Грустилова землёю и сором; Парамоша лает по-собачьи и кричит по-петушиному, а в промежутках бормочет.

Парамоша

Ку-ка-ре-ку! Брысь, сатана! Петух запел! Ку-ка-ре-ку! Гав-гав-гав!

Пфейферша

Маловерный! Вспомни внутреннее слово!

Градоначальник Грустилов (*ободрившись*).

Матушка Анисья Егоровна! Извольте меня разрешить!

Анисьюшка (*визжит*).

Я и Егоровна, я и тараторовна! Ярило – мерзило! Волос – без волос! Перун – старый пердун! Парамон – он умён!

Провизжав это, юродивая скорчилась и умолкла; градоначальник Грустилов озирается в недоумении.

Пфейферша (*объясняет*).

Это значит, что следует поклониться Парамону Мелентичу.

Градоначальник Грустилов (*твёрдо*).

Батюшка Парамон Мелентич! Извольте меня разрешить!

Парамоша, не обращая на него внимания, только корчится и икает.

Анисьюшка (*командует*).

Ниже! Ниже поклонись! Не жалей спины-то! Не твоя спина – божья!

Градоначальник Грустилов (*кланяясь ниже*).

Извольте меня, батюшка, разрешить!

Парамоша (*диким голосом*).

Без працы не бенды кололацы!

Парамоша внезапно вскакивает, вслед за ним вскочила и Анисьюшка, они начинают кружиться. Сперва кружатся медленно и потихоньку всхлипывают, потом круги начинают делаться быстрее и быстрее, покуда, наконец, не переходят в совершенный вихрь. Слышится хохот, визг, трели, всхлёбывания.

Градоначальник Грустилов и Пфейферша стоят некоторое время в ужасе, но, наконец, не выдерживают. Сначала они вздрагивают и приседают, потом постепенно начинают кружиться, вдруг они завихрились и захохотали.

Вихрь пляски внезапно прерывается. Градоначальник Грустилов в изнеможении падает на землю. Обеспокоенные шумом, с разных концов сцены выглядывают квартальные.

Градоначальник Грустилов (*сидя на земле, расслабленным голосом, но ликующе*).

Ныне я разрешён! Сподобился благодати и прозрел! Восхищён дух мой горе, и узрел я внутренним оком греховную бездну, на дне которой метались черти. Были тут и кокотки, и кокодесы, и даже тетерева, и все огненные.

Один из чертей вылез из бездны и поднёс мне любимое моё кушанье, но едва я прикоснулся к нему устами, как по комнате распространился смрад. Ужас! ужас! Но что всего более ужасает меня, так это горькая уверенность, что не один я погряз, но в лице моём погряз и весь Глупов, и ныне мне надо за всех ответить или всех спасти! Всех спасти! *(Вскакивает на ноги и кричит)*. Квартальные! *(Квартальные сбегаются)*. Сейчас же скликать ко мне обывателей города Глупова, кои нынешней ночью были на моём богомерзком машкератном увеселении! Конец поклонению мамоне, пришло время покаяния! Пусть придут в разодранных одеждах, во власяницах, каясь и воздыхая, и будет всем им дано разрешение, верчение, исцеление! *(Неожиданно орёт)*. Живо!

Квартальные слушали выпуча глаза и с топотом разбегаются в разные стороны исполнять поручение.

Градоначальник Грустилов

Пойдём же готовиться к торжеству. Блаженных Анисьюшку и Парамошу с почётом проводим на отдых в мой дом и сами отдохнём перед новым даром благодати.

Благоговейно ведёт юродивых под руки на крыльцо и сдаёт их подоспевшей челяди. Юродивые скрываются в доме, градоначальник Грустилов и Пфейферша следуют за ними.

Сцена короткое время остаётся пустой, слышен нарастающий гул голосов. Вскоре на сцену вваливается толпа глуповцев, окружая двух квартальных, ведущих учителя каллиграфии Линкина. Линкин бледен и помят. Один из квартальных с торжеством несёт книгу, отобранную при обыске у Линкина. Глуповцы улюлюкают и злорадствуют.

Г л у п о в ц ы *(галдят)*.

— Что, попался? – Привели! – Будешь знать, как такие книги читать! – К допросу его! – Зови градоначальника. – Он тебе покажет, как смуту разводить! – А книга-то, верно, чернокнижная! – Дай срок, всё разберут! – У-лю-лю! Ишь, трясётся!

На крыльце показывается градоначальник Грустилов, один из квартальных рапортует.

К в а р т а л ь н ы й

Чсть имею донести вашему высокородию, что по обыске у оного учителя каллиграфии Линкина найдена всего одна книга *(подаёт книгу)*; иных книг и бумаг не оказалось.

Г л у п о в ц ы *(галдят)*.

— А одной разве мало! – И одной предостаточно! – Допрашивай! – Покажи ему кузькину мать!

Градоначальник Грустилов *(Линкину)*.

Сам ли ты зловредную оную книгу сочинил? А ежели не сам, то кто тот заведомый вор и сущий разбойник, который таковое злодейство учинил? И как ты с тем вором знакомство свёл? И от него ли ту книжицу получил? И ежели от него, то зачем кому следует о том не объявил, но забыв совесть, распутству его потакал и подражал?

Л и н к и н *(твёрдо)*.

Ни сам я тоя книжицы не сочинял, ни сочинителя оной в глаза не видывал, а напечатана она в столичном городе Москве в университетской типографии иждевением книгопродавцев Манухиных!

Градоначальник Грустилов *(развёртывает книгу и читает заглавие)*.

«Средства для истребления блох, клопов и других насекомых». Гм... да... *(конфузливо мычит)*. М-м... книжица сия действительно... не включает в себе ничего... м-м... ни против религии, ни против нравственности, ни даже... м-м... против общественного спокойствия...

Г л у п о в ц ы *(шумно к дерзостно)*.

— Плохо ты, видно, читал! – Ещё разговариваешь с ним! – Что ты с ним балы-то точишь! – Он в Бога не верует.

Градоначальник Грустилов *(в ужасе бросает книгу, разрывает на себе вицмундир, подсказывает к Линкину и ударяет его по щеке)*.

Точно ли ты в Бога не веришь?

Л и н к и н *(уклончиво)*.

Никому я о сём не объявлял!

Г л у п о в ц ы *(галдят)*.

— Свидетели есть! – Свидетели! – Отставной солдат Карапузов! – Слепенькая нищенка Маремьянушка!

Свидетели выступают из толпы.

Градоначальник Грустилов
(*Карапузову*).

Что ты по сему делу знаешь?

Карапузов

Намеднись, а когда именно, не упомню, сидел я в кабаке и пил вино, а неподалёку от меня сидел этот самый учитель и тоже пил вино. И выпивши он того вина довольно, сказал: «Все мы, что человеки, что скоты, всё едино, все помрём и все к чёртовой матери пойдём!»

Линкин

Но когда же...

Глуповцы (*шумят*).

— Стой. – Ты погоди пасть-то разевать! – Пушай сперва свидетель доскажет.

Карапузов

И будучи я приведён от тех его слов в соблазн, кротким манером сказал ему: как же, мол, это так, ваше благородие? Ужели, мол, что человек, что скотина – всё едино? И за что, мол, вы так нас порочите, что и места другого, кроме как у чёртовой матери, для нас не нашли? Батюшки, мол, наши духовные не тому нас учили, вот что! Ну, он это взглянул на меня этак искоса: «Ты, говорит, колченогий (а у меня, ваше высокородие, точно что под Очаковым ногу унесло), в полици, видно, служишь!». Взял шапку и вышел из кабака вон.

Линкин (*изумлённо*).

Но когда же...

Глуповцы (*Градоначальнику*).

— Да зажми ты ему пасть-то! – Ишь, речистый какой выискался!

Градоначальник Грустилов
(*Линкину*).

Ты помолчи! (*Маремьянушке*). А ты что можешь показать, Маремьянушка?

Маремьянушка

Сижу я намеднись в питейном, и тошно мне, слепенькой, стало; сижу этак-то и всё думаю: куда, мол, нонче народ против прежнего гордее стал! Бога забыли, в посты скоромное едят, нищих не одевают; смотри, мол, скоро и на солнышко прямо смотреть станут! Право! Только и подходит ко мне самый этот молодец: «Слепа, бабушка?» – говорит. «Слепенькая, мол, ваше высокое благородие». «А отчего, мол, ты слепа?» – «От Бога, говорю, ваше высокое

благородие». – «Какой тут Бога, от оспы, чай!» – это он-то всё говорит. «А воспа-то, говорю, от кого же?» – «Ну да, от Бога, держи карман! Вы, говорит, в сырости да в нечистоте всю жизнь копаетесь, а Бог виноват!» (*Останавливается, плачет и продолжает всхлипывая.*) И так это меня обидело, уж и не знаю как! «За что же, мол, ты Бога-то обидел?» – говорю я ему. А он не то, чтобы что, плюнул мне прямо в глаза: «Утрись, – говорит, – может, будешь видеть!», – и был таков.

Градоначальник Грустилов

Дело ясное. Богомерзкое дело. (*Линкину*).

Что имеешь сказать в своё оправдание?

Линкин (*пал духом*).

Ничего не имею. Сознаюсь во всём, и даже во многом таком, чего никогда и не бывало. К примеру сказать: смотрел я однажды у пруда на лягушек и был смущён диаволом. И начал себя бездельным обычаем спрашивать, точно ли один человек обладает душою, и нет ли таковой у гадов земных? И взяв лягушку, исследовал. И по исследовании нашёл: точно, душа есть и у лягушки, токмо малая видом и не бессмертная.

Градоначальник Грустилов
(*в ужасе, к глуповцам*).

Сами видите! (*Квартальным*). Отвести сего злодея на съезжую и там поступить с ним по всей строгости законов.

Квартальные уводят Линкина. Глуповцы с гомоном следуют за ними. Градоначальник входит в дом. С разных концов понемногу начинают сходиться бывшие на балу у градоначальника Грустилова гости – в рваных платьях, в чёрных одеждах; постепенно рассаживаются по скамьям, переговариваясь друг с другом.

Гости

— И вы здесь? – И я. – Не знаете, зачем созвал нас градоначальник? – Не ведаю. Странно, форма одежды: рваное платье! – Может, особый вид машкерада? – Я думаю, просто прослышал о своём увольнении... – Ну? – Ну и покаяться хочет. – Нет, непонятно. – А я знаю, в чём дело! – В чём? – Пфейферша тут сегодня с ним хороводилась, да юродивые Анисьюшка и Парамоша. – Ну? – Ну и нас хороводы водить заставят! – Разве что так.

Рассаживаются вокруг просцениума на скамьях. В середине у полицейской будки квартальный навтыяжку.

Раздаётся заунывный звон колоколов, и под звуки его из градоначальникова дома выходит процессия. Впереди процессии градоначальник Грустилов без шапки в разодранном вицмундире, с опущенной долу головой и бия себя в перси; за ним чины полицейской команды; далее следует Пфейферша, которую с одной стороны конвоирует Анисьюшка, с другой Парамоша; шествие замыкает отряд пожарной команды. Шествие доходит до полицейской будки и окружает её; градоначальник Грустилов выступает вперёд.

Градоначальник Грустилов

Дорогие братья и сёстры! До нынешнего дня я погрязал в беспутстве; до нынешнего дня я, подобно всем вам, поклонился мамоне. Правда, не все следовали по сему пагубному пути; были люди (указывает на полицейских и пожарных), кои и во время глуповского беспутства втайне истинному Богу верны пребывали. Видя сих людей усердие, я в точности познал, сколь великое имеет действие сия вещь, которую вы (Пфейферше), возлюбленная сестра моя, внутренним словом справедливо именуете. (Помолчав). Дать сим людям за их усердие по гривенику и пусть сегодня направят стопы свои, куда им пожелается. (Протягивает кошелек с деньгами).

Полицейские пожарные (гаркают).

Рады стараться, ваше высокородие! (Делают оборот налево кругом и скорым шагом направляются в кабак).

Градоначальник Грустилов (продолжает).

Но сегодня свет истины озарил меня. Просветила меня внутренним словом возлюбленная сестра (указывает) жена здешнего аптекаря Пфейфера; разрешили духовные узы мои сии блаженные прозорливы Анисьюшка и Парамоша. И вот, дорогие братья и сёстры, вновь созвал я вас, чтобы вы, вместе со мною поклонявшиеся мамоне, купно со мною же принесли покаяние. Будьте сопричастниками разрешения уз и обновления духа! Блаженные

Анисьюшка и Парамоша (кланяется до земли) разрешите нас!

В середину круга выступают Анисьюшка и Парамоша, они бормочут и выкрикивают бессвязные слова, среди которых слышатся: «Накати! накати!»; – вздрагивают, кривляются и корчатся. Затем начинают кружиться. Сперва кружатся медленно, потом круги делаются быстрее и быстрее, наконец, переходят в совершенный вихрь. Слышатся хохот, визг, всхлёбывания.

Гости, стоящие кругом и некоторое время находящиеся в ужасе, наконец, не выдерживают. Схватившись за руки и образовав хоровод, они сначала вздрагивают и приседают, потом постепенно начинают кружиться всё быстрее и быстрее. Вокруг вертящихся двух юродивых вихрем вертится хоровод обезумевших гостей.

Градоначальник Грустилов и Пфейферша внутри хоровода тоже начинают вздрагивать и приседать, а потом и кружиться.

Заунывный звон колоколов постепенно ускоряется и переходит в бешеный, разнуданный трезвон. Верчение в полном разгаре. Один квартальный у полицейской будки в центре беснующихся стоит неподвижно, навтыяжку.

Вдруг звон колоколов резко обрывается. Мёртвая тишина. Вихрь пляски мгновенно останавливается, кое-кто падает на землю, и все, поражённые, устремляют взгляд в глубину сцены.

Вдали окружённый кольцом глуповцев там стоит человек в военном сюртуке и вперяет в толпу цепенящий ужасный взор. Рядом с ним горнист играет на трубе военный сигнал. Градоначальник Грустилов делает несколько неуверенных шагов по направлению к незнакомцу.

Градоначальник Грустилов (дрожащим голосом).

Кто это? Кто такой?

Г л у п о в ц ы (мрачно).

Прибыл новый градоначальник Угрюм-Бурчеев!

Мёртвое молчание.

ДЕЙСТВИЕ V.
«ПОДТВЕРЖДЕНИЕ ПОКАЯНИЯ.
ЗАКЛЮЧЕНИЕ»

Действующие лица: Градоначальник Угрюм-Бурчеев. Глуповцы. Чиновники. Обыватели. Шпионы. Молодёжь. Рабочие.

На площади города Глупова проходят и повзводно выстроены глуповцы; роты подобраны по росту. Все глуповцы обмундированы однообразно в форменные казакины. Среди одинаково обмундированных глуповцев можно узнать в крайней 1-й роте и Предводителя дворянства, и Попа, и всех чиновников. Между ротами шныряют шпионы, подслушивают неосторожные слова и немедленно доносят их старшему шпиону, сидящему в полицейской будке; тот записывает получаемые сведения.

2-ая рота повзводно метёт площадь под команду взводных командиров, по команде «Раз!» метлы поднимаются в воздух, «Два!» отпускаются на землю, «Три!» делают полукруг по земле.

3-ья рота на другом конце площади занята военной гимнастикой, под команду «Раз! Два!» глуповцы приседают, подскакивают, выбрасывают руки вперёд и вверх.

На полицейской будке вывешено огромное «Расписание работ».

Градоначальник Угрюм-Бурчеев на процессууме заканчивает заданный самому себе урок маршировки, выкрикивая команду и выполняя её; на нём барабан, в который он бьёт. Угрюм-Бурчеев – мужчина среднего роста с деревянным лицом, никогда не освещающимся улыбкой. Густые чёрные волосы острижены под гребёнку, подстриженная щетина усов; челюсти, готовые всё раздробить или перекусить пополам. Грудь выпячена вперёд, руки длинные. Когда не марширует «руки по швам», то ходит, заложив руки за спину. Одет в военного покроя сюртук, застёгнутый на все пуговицы. Взгляд светлый, совершенно свободный от мысли и потому недоступный ни для оттенков, ни для колебаний. Совершенно беззвучным голосом выражает свои требования и неизбежность их выполнения. Говорит отрывисто.

У г р ю м–Б у р ч е е в (командует самому себе, тотчас выполняя команду).

На-лево кру-гом! Шагом марш!левой, правой. Стой! На первый-второй рассчитайся! (Разными голосами). Первый-второй, первый-второй, первый-второй!.. (много раз). Смирно! Ряды вздой! (Делает один шаг назад и один вправо). Шагом марш! (Марширует и бьёт в барабан. Потом останавливается и обращается к роте, метущей площадь). Слушать команду! Раз-два-три. Раз-два-три! Чище мети! Раз-два-три! Не отставать! Все сразу! Рядами! Раз-два-три! Раз-два-три! (Взглянув на расписание, командует). Первая рота в манеж для принятия пищи. Вторая и третья рота вольно, оправиться! Четвёртая рота в манеж для телесных упражнений. Пятая рота на молитву в манеж для коленопреклонений, ранее именовавшийся церковью. Шестая рота на общественные работы. Повзводно шагом марш! (Продолжает одиноко маршировать).

Роты, кроме второй и третьей, отбивая шаги, расходится. 1-ая рота тотчас же возвращается с обедом в руках, у каждого по куску чёрного хлеба.

Г л у п о в ц ы

1-ая р о т а (мрачно).

— Долго ли терпеть будем? – И вот так каждый день. – Вот и весь обед, по куску чёрного хлеба с солью. – Такой же и ужин! – Это бы что, а вот казармой замучил. – Да ведь и сам он, вот, погляди! – Встаёт с зарёю, надевает вицмундир и тотчас же бьёт в барабан. – А потом три часа марширует один без товарищей, произнося самому себе командные возгласы. – Сейчас кончит. – Сатана! – С изумительной ограниченностью соединяет непреклонность, граничащую с идиотством. – Идиот, принявший мрачное решение. – Если бы вследствие усиленной идиотской деятельности даже весь мир обратился в пустыню, то и это не устроило бы идиота.

— Долго ли терпеть будем?

У г р ю м–Б у р ч е е в (подходит к первой роте).

Рота, смирно! Стройся! Равнение на-право! Бе-гом марш! (1-ая рота бежит). Раз-два, раз-два!

2-ая р о т а (злобно).

Pro memoria

— Долго ли терпеть будем? – Нарочитое упразднение естества! – Спит на голой земле и только в сильные морозы позволяет себе укрыться на пожарном сеновале. – Вместо подушки кладёт под голову камень. – Курит махорку до такой степени вонючую, что даже полицейские солдаты, и те краснеют, когда до обоняния их доходит запах её. – Ест лошадиное мясо и свободно пережёвывает воловьих жилы. – Подлинный изверг! – Сатана!

— Долго ли терпеть будем?

У гр ю м–Б у р ч е е в (*возвращает 1-ую роту на прежнее место*).

Рота, вольно! Оправиться! Вторая рота, смирно! Бег на месте! Раз-два, раз-два!

3-ья р о т а (*с отчаянием*).

— Долго ли терпеть будем? – Так и думаешь, что вот небо обрушится, земля разверзнется под ногами, налетит откуда-то смерч и всё поглотит, всё разом! – Всеобщий панический страх! – Пришёл конец! – В смятении глядишь назад, и с ужасом видишь, что назади действительно ничего нет. – Была ли у нас история? – Что позади? – Органчики, самозванки, фаршированные головы, пожары, голод, экзекуции, цивилизаторы, юридивые!.. – И в довершение позора этот ужасный, этот бесславный прохвост! – А что впереди? – А что теперь? – Казармы и мрачный идиот.

— Долго ли терпеть будем?

У гр ю м–Б у р ч е е в (*снова марширует один, заканчивая положенный себе урок*).

Полоборота на-пра-во! Шагом марш! Раз-два, раз-два. (*Марширует вокруг полицейской будки и бьёт в барабан*).

4-ая р о т а (м о л о д ё ж ь) (*вернулась из ма-нежа для телесных упражнений*).

— Долго ли терпеть будем? Довольно! – К чему жить? Зачем жить, если жизнь отравлена идиотом? – Вы только взгляните в его глаза! – Пристальный взор, в котором отражается какая-то неограниченная бесстыжность! – Глядя на него, опасаясь за человеческую природу вообще. – Идиот, принявший мрачное решение. – Идиоту простому можно путь преградить, но как быть с идиотом властью имеющим? – Сбросить его с пути! – Давно пора!

— Долго ли будем терпеть? Довольно.

У гр ю м–Б у р ч е е в (*командует сам себе*).
Раз-два, раз-два... Стой! Вольно! Оправиться!
Останавливается у полицейской будки, снимает барабан, свёртывает и закуривает «собачью ножку» вонючей махорки, отдыхает. К нему подходит Старший шпион.

Старший шпион

Осмелюсь доложить вашему высококородию...

У гр ю м–Б у р ч е е в (*отрывисто*).

Много?

Старший шпион (*мнётся*).

Хотя среди громадного большинства благонамеренных обывателей царит беззаветное восхищение начальством...

У гр ю м–Б у р ч е е в

Восхищение. Зачем?

Старший шпион (*теряется*).

В рассуждении преданности...

У гр ю м–Б у р ч е е в

Спрашиваю: зачем? Восхищение начальством! Кто позволил? (*Старший шпион трясётся; Угрюм-Бурчеев ко всем глуповцам*).
Что значит восхищение начальством? Это значит такое оным восхищение, которое допускает и возможность оным невосхищения! А отсюда до революции один шаг! Не смей ни восхищаться, ни невосхищаться! Только маршировать.

Г о л о с а (м о л о д ё ж и)

— Но разум! Разум!

У гр ю м–Б у р ч е е в

Разум? Зачем? Он есть злейший враг, опутывающий человека сетью обольщений и опасных привередничеств. Разум рассуждает. Не рассуждать!

Г о л о с а (м о л о д ё ж и)

— А труд? – Веселье? – Досуг? – Отдых?

У гр ю м–Б у р ч е е в (*говорит все тем же ровным, бесстрастным голосом*).

Молчать! Веселье? Не понимаю. Досуг. Зачем? Только маршировать! Отдых? Усиленная маршировка по праздникам! Всё это значит исполнять долг. А что есть долг? Всеобщее равенство перед шпицрутеном! (*Старшему шпиону*). Шпицрутены готовы?

Старший шпион

Готовы, ваше высококорodie!

У гр ю м–Б у р ч е е в

Виновные будут наказаны. Ломы, топоры готовы?

Старший шпион

Приготовлены к раздаче, ваше высокородие.

Угрюм-Бурчеев

Тогда собрать всех на площадь для выслушивания приказа. Гони!

Призывные сигналы. Глуповцы поротно и повзводно выстраиваются полукругом около полицейской будки. Угрюм-Бурчеев становится на барабан.

Угрюм-Бурчеев (ровным голосом).

Слушать приказ! Сегодня великий день в истории города Глупова. И последний его день. К вечеру Глупова не будет.

Движение ужаса в толпе.

На месте его воздвигнется нечто новое и великое. Отныне Глупов переименовывается в вечно-достойный памяти непреклонной воли город Непреклонск. Барабаны, бей! (Барабаны.) Скажу кратко о том, чего мы уже достигли. Когда прибыл я сюда, вы все жили развратным обычаем. Как кто хотел. А ныне? Город разделён на роты, роты на взводы. Выводы на дома. Дом есть поселённая единица, имеющая своего командира и своего шпиона. Десять домов – взвод, У него свой командир, свой шпион. Пять взводов – рота. Пять рот – полк. Всех полков четыре. Каждый раздел имеет своего командира, своего шпиона. Надо всем этим я, Угрюм-Бурчеев, градоначальник, сухопутных и морских сил обер-комендант. И рядом со мной старший шпион! Таков порядок на месте былого беспорядка. Так я вас устроил.

Порядок в домах. В каждом доме двое престарелых, двое взрослых, двое подростков, двое малолетков. Одинаковость лет сопрягается с одинаковостью роста и с одинаковостью формы. Все вы одеты в единообразные одежды по особым апробованным мною рисункам. С восходом солнца все вы подымаетесь, подчищаетесь, подтягиваете ремешки. Малолетные сосут на скорую руку материнскую грудь, престарелые произносят краткое трёхсложное учение. Потом на работу.

Порядок в работе. Работа – по команде. Пахать, косить, сеять, мести улицы, молиться – всё по команде: раз-два, раз-два!

Отдых – маршировка. По праздникам – маршировка усиленная.

Таков порядок на месте прежнего беспорядка. Но это только ещё начало. (*В толпе волнение и ропот*). Молчать! Барабаны, бей! (Барабаны).

Всё введено в порядок, всё, но только не самый город. Что есть Глупов? Скорее беспорядочная куча домов, нежели город. Улицы разбегаются вкривь и вкось; дома лепятся кое-как без порядка, то теснясь, то оставляя пустыри. Улучшить тут нельзя, тут надо создать вновь. И притом же река. Зачем? (*Молчание*). Спрашиваю: зачем?

Старший шпион (мечется).

Река-с...Навоз-с...

Угрюм-Бурчеев

Зачем? Течёт беспорядочно. Уйму я её... Или сам уйду и вас уведу. Построю новый город на равнине без единого бугорка, без единой впадины. А сей город разорю до основания. (*Волнение и ропот*). Молчать!

Новый город строить буду так. Ровное место. Ни реки, ни ручья, ни оврага, ни пригорка, кои могли бы служить препятствием для маршировки. Посредине круглая площадь, от коей расходятся улицы-роты. Роты пересекаются бульварами, кои в два кольца опоясывают город. Затем форштадт, земляной вал для защиты от внешних врагов, и конец. Каждая рота шесть сажень ширины. Каждый дом – три окна в палисадник. В оном растут барская спесь, царские кудри, бураки и татарское мыло. Все дома окрашены будут светло-серою краскою и одинаково освещены солнцем и луною. Иных линий кроме прямых в городе не будет. Вот видите (*проводит прямую линию рукою по воздуху*) прямая линия. Начертавши оную, втиснуть в неё весь видимый и невидимый мир и притом с таким непременно расчётом, чтоб нельзя было повернуться ни назад, ни вперёд, ни направо, ни налево. Вот задача! Прямая линия драгоценна не ради того, что кратчайшая – куда торопиться! – но ради того, что по ней можно весь век маршировать и ни до чего не домаршироваться.

Сегодня великий день: последний день города Глупова. Сейчас начнёте по команде, повзводно, поротно, ломать его. К вечеру не

должно остаться на месте ни единого камня, ни единого бревна. Раздать инструменты! (Сходит с барабана и берёт в руку топор).

Глуповцам раздают топоры и ломы. Суматоха. Всеобщий ужас.

Глуповцы (с отчаянием).

— Пришёл конец! – Что же это такое? – Наяву ли это происходит? – При градоначальнике Бородавкине когда-то Оловянные солдатики разрушили избу. – То избу, а тут целый город! – Сатана! – Идиот, принявший мрачное решение! – Долго ли ему над нами измываться?

— Долго ли будем терпеть? – Пришёл конец!

Угрюм-Бурчеев расставляет взводы, намечая каждому участок и отмеряя расстояние. Ропот нарастает.

Угрюм-Бурчеев

От сих мест – до сих. От сих мест – до сих. От сих мест – до сих...

Старший шпион (докладывает шёпотом).

Ваше высокородие! Господин Предводитель дворянства отказываются, говорят, что по закону о вольности дворянства освобождены от физического труда...

Угрюм-Бурчеев (громко и бесстрастно).

Гони! (Продолжает расставлять роты). От сих мест, до сих...

Старший шпион (снова подбегая, взволнованным шёпотом).

Ваше высокородие, неблагонамеренные обыватели ропщут. Вроде как бунт...

Угрюм-Бурчеев (громко и бесстрастно).

Бунт? Зачем? Гони! Неповинующих сквозь строй шпицрутенами. (Ропот умолкает). Горнист, изготовься! Роты! По первому

сигналу – в атаку! Ломай! (Все расставлены и ждут сигнала. Минута мёртвого молчания). Труби! (Военный сигнал). Вперёд! Ломай! Раз-два!

Угрюм-Бурчеев с топором в руке бросается во главе первой роты ломать здания. Стук топоров и ломов, визг пилы, крики рабочих и грохот падающих на землю брёвен; густые облака пыли. Чей-то голос с надрывом затягивает:

«Раз – первой! раз – другой!»

И ряд голосов подхватывает с отчаянием:

«Ухнем! Дубинушка, ухнем!»

Оргия разрушения. Декорации, поставленные Глуповцами в конце Пролога, теперь одна за другой снимаются и сваливаются в реку, текущую в глубине сцены. Мало-помалу место обнажается, в далёкой дали виднеется окаймляющий горизонт мелкий ельничек да березничёк. Голая пустыня. И лишь посередине просцениума возвышается во всей неприкосновенности полицейская будка.

Работа разрушения перекидывается за сцену, слышны доносящиеся оттуда звуки топоров, сигналы горниста, «Дубинушка» и команда Угрюм-Бурчеева: «Вперёд! ломай! раз-два! раз-два!» Наконец, Угрюм-Бурчеев усталый, отирая пыль и пот с лица, показывается около полицейской будки. Впервые лицо его освещено идиллической улыбкой: кругом голая пустыня.

Угрюм-Бурчеев

Шабаш!

На сцене работа прекращается, за сценой стук топоров ещё слышится некоторое время, постепенно отдаляясь и затихая; народ в беспорядке сходится с разных сторон. Усталые и мрачные лица на фоне голой пустыни.

Угрюм-Бурчеев (указывая на развалины и пустыню).

Тако да видят людие!

Усталый, тут же около полицейской будки валится на землю, подкладывает под голову камень и уже через минуту храпит, не сделав шпионам никакого распоряжения. Его понемногу обступает угрюмая и мрачно-решительная толпа, у всех в руках топоры и ломы.

Шпионы в ужасе мечутся по сцене и исчезают. Угрюм-Бурчеев спит. Долгое время мрачное молчание, потом голоса в отдельных группах.

Голоса

Первая группа (рабочие).

— А не стыдно ли нам, товарищи? – До чего мы дошли! – Кого слушались! – Что тут случилось? – Что произошло? – Точно мы вдруг проснулись! – Вздохнули свободно! – Разве можно так дальше жить? – Сил нет! – Нету сил! – Пора покончить! – Начать жить сызнова. – Довольно! – Довольно! – Долой!

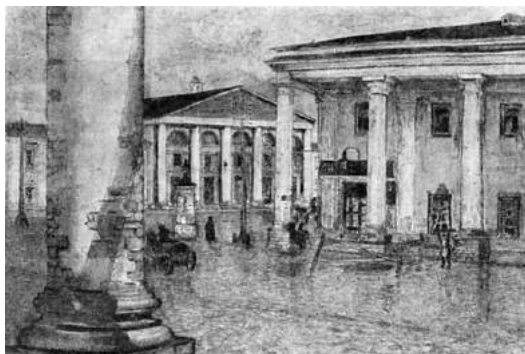
Вторая группа (молодёжь)

— Не стыдно ли нам? – Грудь захлёстывает кровью... – Дыхание занимается... – Гнев искривляет лицо... – Мы подчинились бесславному идиоту! – Он с топором в руке пришёл неведомо отколь... – С неисповедимой наглостью изрёк смертный приговор всему... – Прошедшему, настоящему и будущему! – И мы терпели! – И мы подчинились! – Довольно! – Довольно! – Долой!

Шум нарастает, группы сплываются, смотрят на спящего Угрюм-Бурчеева.

Голоса (разные).

— Вот смотрите на него! – Лежит неподвижно на солнечном припёке и храпит. – Рассмотрите его всякий и убедись... – Подлинный идиот и ничего более. – Идиотство, ненашедшее себе границ! – И мы подчинились! – И мы терпели! – Довольно! – Долой! – За топоры! – Не надо нам градоначальника! – Своим умом хотим жить! – Сами свою жизнь строить! – Свобода!

Виды Рязани, где М.Е. Салтыков-Щедрин был вице-губернатором в 1858–1860 гг. и управлял Казенной палатой в 1867–1868 гг. Акварели Г.К. Лукомского из серии зарисовок русской провинции. 1900-е гг.

Грозный гул нарастает, народ потрясает топорами, группы сходятся, переплетаются, расходятся. В ответ на последний возглас – общий крик: «Свобода!»

Угрюм-Бурчеев просыпается и медленно садится. Жуткое молчание, прерываемое раскатами криков за сценой: «Свобода! Свобода! Свобода!»

Говор в толпе

— Идиот проснулся! – Подлинный изверг! – До того всякое естество в себе победил, что и на эти неслыханные разрушения и страдания холодным и непонятливым оком взирать может! – Идиот проснулся! – Поздно! – Народ проснулся!

Угрюм-Бурчеев (встает, бесстрастным и ровным голосом).

Молчать! Роты, стройся! Барабаны, бей!

В ответ грозный гул толпы, занесённые вверх топоры, единодушный вопль.

Народ

— Нет больше рот! – Кончена твоя власть! – Конец вашему царству! – Не надо нам градоначальников! – Своим умом будем жить! – Сами свою жизнь будем строить! – Свобода!

Угрюм-Бурчеев (недоумённо).

Свобода? Зачем? (Гневный гул народа.) Что делаете? Зачем не я, но придёт некто за мною, который будет ещё ужаснее меня!

Народ

— Не придёт! – Пусть приходит! – Теперь мы знаем, что делать! – Встретим его, как провожаем тебя! – Конец тебе! – Конец градоначальникам! (Схватывают его.)

Угрюм-Бурчеев (впервые кричит).

Я строил ваше счастье! я радел о вашем благе! я построил бы новый город! Я создал бы новую жизнь! Я дал бы вам...

Его снова прерывает взрыв гнева и хохота народа.

Народ

— Он даст нам счастье! – Он будет радеть о нашем благе! – Он построит новую жизнь! – Он скажет нам: я вас разорил и оглушил, а теперь позволю вам быть счастливыми! – И мы выслушаем это хладнокровно. – И мы воспользуемся его дозволением и будем счастливы. – Позор!!! – Позор! Позор! – Не бывать

Иванов-Разумник.
Фото из
следственного дела.
1933 г.

этому! – Своим умом будем жить! – Сами будем строить новую жизнь! – Предки наши такали, такали, да протакали! – Довольно мы были глуповцами! – До той поры глуповцами были, пока вновь воли своей не нашли! – Свобода!

Несколько ударов топора вдребезги разбивают полицейскую будку, обломки её падают к ногам народа. Угрюм-Бурчеев исчезает в волнах толпы, из задних рядов доносится сдавленный его крик.

У г р ю м – Б у р ч е е в

История прекратила течение своё!

Н а р о д

— История Глупова кончилась! – История народа начинается! – Свобода! Свобода! Свобода!

К О Н Е Ц

П р и м е ч а н и я

1. Текст Салтыкова сохранён в неприкосновенности.

2. Ремарки изложены словами салтыковского текста.

3. Некоторые фразы дополнительно взяты из других родственных произведений Салтыкова («Помпадуры и помпадурши» и др.)

4. Подзаголовки под каждым действием – заглавия соответствующих очерков «Истории одного города».

5. «Архивариус-Летописец» в Прологе может совсем быть выпущен, его можно исполнять также и хоровой читкой Глуповцев.

6. В Прологе – три поляночки и три Князя могут быть даны не одновременно, а в последовательности развивающегося действия.

7. Чиновники (Помощник градоначальника, Стряпчий, Казначей, Смотритель народного училища, Городовой врач, Письмоводитель, а также Поп, Предводитель дворянства и Градской голова), встречающиеся в I и III действиях, – не индивидуальные характеры, а общие типы, одни и те же на протяжении пяти действий истории города Глупова; поэтому они не меняются в своём облики. Ярче всего это можно подчеркнуть принципом Масок, положенным в основу постановки. То же самое относится и к Глуповцам от I до IV действия.

8. При постановке могут быть выпущены места, необходимые для полноты салтыковского текста, но замедляющие действие: воспоминания чиновников о бывших градоначальниках (д. I), проезд чиновника из губернии (д. I), эпизод с Матрёнкой-ноздрей и Дунькой-толстопятой (д. II), беседа Фердыщенки с Глуповцами о недрах земли (д. II), разгромы гостей на балу у Грустилова (д. IV), эпизод с учителем Линкиным (д. IV) и немногие другие.

**Публикация и подготовка текста
Нины Панфиловой и Олега Фельдмана**